Все, что вы скажете

Автор:
Джиллиан Макаллистер

Все, что вы скажете

Джиллиан Макаллистер

Психологический триллер (АСТ)

Джоанна возвращается домой после встречи с подругой и слышит за спиной звук, которого боится каждая женщина. Она уверена, что это он – настойчивый мужчина, пристававший к ней в баре. Шаги приближаются, она поворачивается и изо всех сил толкает своего преследователя. Теперь Джоанна должна сделать то, что она ненавидит больше всего, – принять решение. Остаться. Вызвать скорую помощь, спасти незнакомца. И убедить полицию, мужа, семью и своих друзей, что она невиновна, что это был несчастный случай. Но можно ли это доказать? Бежать. Убедиться, что свидетелей нет, и уйти. А на следующий день узнать, что незнакомец умер. Теперь Джоанне нужно уничтожить все улики, которые могут связать ее с этой смертью. И врать всем – мужу, семье, друзьям. Но можно ли это вынести?

Джиллиан Макаллистер

Все, что вы скажете

Gilly McAllister

ANYTHING YOU DO SAY

© Gillian McAllister, 2018

© Перевод. В. Баранова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Все началось с селфи. Мы не были знакомы с этим мужчиной, я даже не уверена, что правильно запомнила его имя. Такие типы вечно к нам привязываются, Лора говорит, это потому что я выгляжу дружелюбной. А я думаю, это из-за моей привычки выдумывать биографии людям, так что я начинаю их пристально рассматривать, а они решают, что это я приглашаю их поболтать.

Фронтальная камера направлена на нас, на экране хорошо видно его лицо: белые, слегка искривленные зубы и нос крючком. Лора наклоняется вперед, чтобы нажать на кнопку. Ее длинная, тонкая рука с индийскими браслетами и самодельной фенечкой попадает в кадр. В душе моя подруга хиппи.

Фотография сделана, и теперь мы замерли на экране его телефона. Интересно, сохранит ли он этот снимок.

– Никаких фильтров, – говорит он нам.

– Чего? – переспрашивает Лора.

У нее нет «Инстаграма». Как и желания чекиниться во всех подряд местах и делиться со всеми своей жизнью. Лоры вообще нет в социальных сетях, и я уверена, что ее жизнь от этого только лучше.

Мы собираемся отойти от барной стойки, но мужчина стоит прямо передо мной, покачиваясь с пятки на носок. Он одет во все черное, только кроссовки красные.

Я поворачиваюсь к Лоре. У нее снова короткая стрижка, и прическа получилась растрепанная, с челкой, падающей на глаза. Она выглядит как-то андрогинно и слегка по-дурацки. Я бы никогда не отважилась на такую стрижку – меня бы принимали за ребенка. Лора никогда не красится, да ей это и не нужно: у нее ровные белые зубы, щеки естественного персикового цвета и темные ресницы. Лора щурится даже тогда, когда не улыбается. Ее мечта – стать художником; она создает сверхреалистичные картины, которые выглядят как фотографии. И еще она не хочет жить так, как все – просто одержима этой идеей. Иногда может выдать что-то вроде: «Какая взаимосвязь между тем, что ты носишь костюм и хорошо выполняешь работу?» или «Зачем тебе нужен дом в пригороде и ипотека как у всех»? Я бы никогда такого не сказала.

– Шикарные туфли, – говорит Лора, заглядывая под барную стойку.

Туфли новые. Шелковые ленты сливочного цвета завязываются вокруг щиколоток. Лора предпочитает балетки; ее ступни сухие и жесткие, потому что дома она всегда ходит босиком. Лора и Джонти живут на барже, швартуются, где хотят. Я иногда хочу так же, когда устаю от нашей маленькой квартирки на цокольном этаже, но Рубен говорит, что я бы быстро возненавидела эту баржу и что я фантазерка.

Благодарю подругу за комплимент. Я купила туфли через интернет позавчера, почти в полночь, и забыла о них, пока не приехал курьер. Я испытала знакомое чувство удивления, а затем и узнавания, как только надорвала упаковку.

– Рубен их одобрил? – спрашивает Лора.

Рубен единственный человек, которого она постоянно понимает неправильно. И принимает его стеснительность за что-то другое. Возможно, за неодобрение. Может быть, она и права – он вздернул бровь, пока я распаковывала туфли, но ничего не сказал.

Я пожимаю плечами и отвечаю:

– Все, что его, то наше.

Но, надо признаться, я смутилось от его взгляда. Рубен работает гораздо больше меня. Кто угодно работает больше меня.

Худые руки Лоры обнажены, несмотря на декабрь. На ней простая, белоснежная футболка, которая ей слишком велика, и из такой ткань, чтоб не гладить. Я вообще ничего не глажу. Когда я берусь за утюг, он разбрызгивает повсюду коричневую липкую жижу, так что мне пришлось сдаться. Про себя я называю это «типичная Джоанна»: в ситуациях, с которыми большинство людей справляются, я терплю неудачи.

– Кажется, у тебя появился поклонник, – говорит Лора.

Я оборачиваюсь, мужчина все еще стоит рядом со мной. Я чувствую его ногу рядом со своей, когда он топчется, пытаясь привлечь внимание бармена.

– Еще два для леди? – спрашивает незнакомец.

Мы соглашаемся выпить за его счет, хотя, наверное, не стоило этого делать – но чуть перебрав, мы становимся слишком веселыми. Бармен ставит напитки на черные салфетки, впитывающие влагу от стаканов. Лора медленно идет вдоль барной стойки.

Я следую за ней, а мужчина за мной.

– Начнем с твоей работы или моей? – подруга задала вопрос, наклонившись ко мне поближе, чтобы идущий за нами мужчина не услышал.

Так обычно начинаются наши долгие встречи. Мы как-то в шутку решили, что для них необходима повестка: работа, отношения и семья. Затем все остальное, что приходит на ум.

Я вздыхаю, но это не помогает снять напряжение, которое возникло, как только Лора упомянула работу.

– Во время перерыва на ланч я решила судоку, и это было лучшее за весь вчерашний день.

Я начала работать в передвижной библиотеке, устроенной в автобусе, потому что очень сильно любила ее в детстве. Мне нравилось выбирать книги для чтения на неделю и искать брата, застрявшего в секции остросюжетных

романов. Но после шести лет работы этого стало недостаточно.

– Да… – тянет Лора, закусив нижнюю губу и рассеянно оглядывая бар.

Мы обе ненавидели свою работу, но совершенно по-разному. Я понятия не имела, чем бы хотела заниматься, а Лора знала абсолютно точно, но делать это не могла.

– Тебе нужно, чтоб было какое-то важное дело, а мне нужно не иметь этого дела, – говорит она.

– Ага. Так оно и есть, – никто другой не мог бы сказать мне такого, разве что Рубен, – я однозадачная.

– Джоанна, ты слишком умная, чтобы быть счастливой.

– Ну, ты же знаешь, я по жизни вторая из детей Мерфи.

Мой брат Уилф окончил Кембридж, а теперь владеет агентством недвижимости в Лондоне. О чем мне регулярно напоминают.

– Ты очень умная, – говорит подруга. – Будь ты хоть Олива, хоть Мерфи.

Олива – фамилия Рубена.

Я смотрю в свой стакан, помешивая напиток черной соломинкой, кончик которой уже пожеван. Рубен говорит, что мне нужно успокоиться и перестать себя мучить – ни у кого нет настоящего «Дела».

Неожиданно Лора фыркает, глядя куда-то над моей головой, как будто увидела паука на стене.

Я оборачиваюсь, и наш «почти знакомый» наклоняется ко мне, приобнимает за плечи. Я чувствую его каждой клеточкой тела. Рука незнакомца ложится мне между лопаток, я вздрагиваю и пытаюсь ее сбросить, но он лишь похлопывает меня по спине. Ощущение тяжелое и неприятное. Мое тело бессознательно протестует, его рука на моем плече теплая и потная. Он пахнет ягодами,

сладким алкогольным напитком, который обычно пьют наутро после бурной ночи, и мятной жвачкой.

– Я не представился, – говорит мужчина, прерывая мои мысли. – Я Сэдик. – Темные глаза оценивают нас, пока он протягивает руку сначала мне, потом Лоре.

Лора его игнорирует, но я пожимаю руку, не желая обидеть. Мужчина передает мне визитку, рука у него мягкая и гладкая. На карточке имя: Сэдик Аль-Хак. Я не знаю, что с ней делать, поэтому засовываю в кошелек, едва взглянув.

– Спасибо, у меня нет визитки, – отвечаю я.

– Спасибо за селфи, но на этом все, – резко одергивает его Лора. – Мы пришли пообщаться вдвоем, друг с другом.

Ее слова не отпугивают мужчину.

– Детка, не будь такой холодной, – говорит Сэдик.

Я не удерживаюсь от косого взгляда на него и никак не могу понять, что у него за акцент.

– Мы не холодные. Мы хотим общаться между собой, а не с тобой, – отвечает моя подруга.

Это типична Лора. Во время учебы в университете многие ее недооценивали: она говорила тихо, казалась хрупкой, растрепанной и обычно сидела, обхватив себя руками, поэтому все думали, что у нее кроткий нрав. Но это было совсем не так.

Лора молча берет свой стакан и идет через танцпол, проскальзывая между непредсказуемо дергающимися телами. Единственным свободным местом оказывается пространство рядом с колонкой, подпрыгивающей в такт танцевальному хиту, который мог бы мне понравится лет пять назад. Музыка гудит в ушах, басы отдаются в груди. Напротив нас стоит парочка: стройная чернокожая женщина в черном топе и брюках – она опирается на стену позади себя, – а мужчина что-то тихо говорит ей на ухо. Я представляю, на что могут

быть похожи их вечера. Готова поспорить, что они слушают инди-музыку по радио и готовят ужин из того, что оказалось под рукой. Или, может быть, рисуют вместе каждое воскресенье – это их ритуал выходного дня. Запачканной оказывается вся их одежда и даже стены, но им наплевать.

Женщина перехватывает мой взгляд, и в миллионный раз я радуюсь тому, что никто не может узнать, что у меня на уме. Смутившись, она поправляет волосы. Я отвожу глаза, но успеваю заметить, что на ее блестящих и идеально ровных ногтях лак сливового цвета. Значит она одна из этих, «Приличных Людей», как я их называю про себя. У таких людей хорошо сидящая одежда, аккуратные волосы и сияющая кожа. Ты можешь разложить весь их внешний вид на составные части, но штука в том, что они просто выглядят… ухоженно. Я не понимаю, что же они знают такого особенного, что неизвестно мне.

– Ты чего? – спрашивает Лора, проследив за моим взглядом.

– Посмотри на них. – Парочка снова начала обниматься.

– Вот что значить быть молодыми и влюбленными.

Я смотрю на подругу с любопытством и понимаю, что давно не видела их с Джонти целующимися. Их отношения выглядят больше приятельскими: скорее дружба, а не роман. Наверняка Лора думает то же самое про меня и Рубена, который ей кажется вечно занятым и отстраненным. И это так, но только до тех пор, пока за нами не закроется дверь.

– Он странный, – Лора указывает стаканом в сторону бара, – Сэдик.

– Я знаю.

– Напористый.

– К счастью, он оставил нас в покое.

Лора поднимает брови, но молчит.

– Джонти себя странно ведет, – произносит она через минуту.

Я удивленно смотрю на нее:

– Правда?

– Он сказал, что ему не нравится мой последний проект, хотя раньше его это не интересовало.

– Да?

Лора убирает челку назад и выдыхает, надув щеки.

Милый Джонти. Его уволили из-за вечных опозданий; бывало он забывал про запланированные на выходные поездки и потом с удивлением спешил в аэропорт. Шикарный, вежливый и немного безнадежный – больше всего он хотел спокойной жизни с джин-тоником в руке. Честно признаться, все, кого я встречала, хотели того же. Я мечтаю об этом с подросткового возраста.

– Что с ним происходит? – спрашиваю я, хмурясь.

Недавно Джонти устроился на временную работу – покрывать блестками флакончики для духов к Рождеству. Сказал, что это очень успокаивает.

– Понятия не имею. У тебя есть идеи?

Ко мне часто обращаются за советом по поводу чужих поступков. Но, конечно, не спрашивают ни о чем действительно серьезном – никого не интересует мое мнение о медицине или юриспруденции, или тайм-менеджменте, или о войне в Сирии. Только о людях и том, что они делают.

– Что он сам говорит?

– Ничего. Только все больше рассуждает о будущем, – пожимает плечами Лора, и я понимаю, что она не хочет это обсуждать. – Как твоя магистратура?

– Какая магистратура? – рассеянно переспрашиваю я.

– Та, которая по теории культур.

– Все еще в подвешенном состоянии, – отвечаю неопределенно.

Я вечно подаю документы в магистратуру и на гранты, пишу статьи для газет и думаю, что, возможно, хотела бы стать владельцем кофейни. «Может быть, я буду выращивать какао-бобы в Южной Америке?» – мое обычное сообщение в «Ватсап» Лоре. Она отвечает что-то вроде: «Это тебе быстро надоест». «Тогда пшеницу в Англии?» И хотя мои размышления о карьере бесконечны и, должно быть, утомительны, она воспринимает всерьез каждую мою блажь.

– Надеюсь, все сложится удачно. – Лора улыбается. Кажется, она хочет добавить еще что-то, но затем смотрит прямо позади меня, так и не начав предложение. Вместо этого говорит: – Так, уходим.

Я оборачиваюсь и вижу Сэдика, раздраженно пожимаю плечами и отхожу на несколько шагов, но он идет за мной, вытянув руку.

– Оставь нас в покое, – обращается к нему Лора.

– Не надо разговаривать со мной в таком тоне, – отвечает Сэдик.

Мое сердце колотится, песня закончилась, повисла тишина перед следующей, и во время этой паузы я слышу пульсирующую в ушах кровь.

Внезапно все это перестает быть забавным. Я испугалась до дрожи, и в голове сами собой начали появляться образы: женщины, которых преследуют на улицах, заманивают на заднее сидение автомобиля, и запихивают расчлененными в багажник.

Я отодвигаюсь от него еще дальше к стене, в сторону от Лоры. Я думаю о той парочке, за которыми наблюдала, о том, какие они счастливые и как же мне хочется, чтобы Рубен был здесь. Он бы ничего не сказал, но этого бы и не понадобилось. Люди в его присутствии начинают вести себя хорошо, будто они успокоившиеся разбалованные дети.

Сэдик следует за мной, преграждая дорогу. Я вижу, что стоящая позади него Лора так сильно хмурится, что ее глаз почти не видно. Мужчина оказывается прямо передо мной. Я пытаюсь обойти его, но он притягивает меня к себе и прижимается сзади, схватив за бедра, как если бы мы занимались сексом.

Я цепенею на несколько секунд. Наверное, от шока. Эти секунды я чувствую не только его руки, дыхание на своей шее, но и его эрекцию. Что-то твердое упирается мне в бедро. Я не сдерживаюсь и представляю, как выглядит его член. Эти мысли появляются в голове, как ненавистное всплывающее окно в браузере, и я вздрагиваю. Я не чувствовала член другого мужчины уже больше семи лет. До этого момента. Что бы на это сказал Рубен? Он называл бы его конченым идиотом. Эта мысль успокаивает меня.

Медленно отодвигаюсь от него, странно улыбаясь, потому что не представляю, что еще можно сделать. Ощущение от того, что кто-то дотронулся до меня против воли, похоже на прыжок с пирса в море. И я все еще чувствую его тепло и твердость. Зубы стучат. Я ничего не говорю, стоило бы, но нет – просто хочу уйти.

Лора забирает у меня выпивку и пытается куда-нибудь пристроить стаканы. В конечном итоге ставит их на колонку, сгребает мое пальто, берет меня за руку, и мы разворачиваемся к выходу.

Сэдик бросается вперед, как кот, и пытается схватить меня, но успевает зацепить только мою руку. Я пытаюсь выдернуть ее, но мужчина сильнее. Можно закричать, но что именно? То, что мужчина схватил женщину за руку в баре, не воспринимается как преступление, хотя может быть таковым. Наоборот, со стороны кажется, что мы вместе и держимся за руки. Никто не знает, что это против моей воли и что происходит у меня в голове. На мгновение мне кажется, что на запястье наручник.

Он сжимает пальцы сильнее. Затем расслабляет и сжимает снова. Это выглядит как сексуальная угроза. А потом он отпускает меня совсем.

На улице я глубоко вдыхаю и выдыхаю зимний воздух, который вылетает изо рта, как меловая пыль. Я все еще ощущаю его рядом. Мне кажется, что мои бедра мокрые, и я опускаю руку, чтобы проверить – хорошо, что это не так.

Лора передает мне пальто.

– Боже. Я уже давно не сбегала из бара из-за психа. Нам что, снова по двадцать?

Она говорит о случившемся, как о пустяке, и я очень благодарна за это. Я все еще чувствую, как упирался в меня его член. Это домогательство? Думаю, да. Но может быть, я сама виновата. Я вздрагиваю и кутаюсь в пальто от дождя.

– Ты в порядке? – спрашивает Лора.

Я киваю, не поднимая головы, и смотрю на свои кремовые туфли с завязками. Не хочу это обсуждать. Я проигнорировала все знаки и предупреждения. Как в тот раз, когда заехала в центр города и пришлось переплатить за парковку, а Рубен рассердился. Так что задвигаю этот эпизод на задворки своего сознания.

– Да, – отвечаю. – Все отлично. Вечер пятницы – не вечер пятницы без психа.

– Вот и хорошо. – Подруга все еще обеспокоенно смотрит на меня. – Недаром у меня были плохие предчувствия насчет сегодняшнего вечера.

И это тоже типичная Лора. И еще одна причина, по которой она и Рубен не ладят: мистицизм сталкивается с трезвой логикой.

Она сдернула шарф, который был обмотан вокруг ручки сумки, и повязала его на шею. В двух ресторанах на другой стороне дороге внезапно погасла вся рождественская иллюминация, и остались только гирлянды с огоньками цвета шампанского, обмотанные вокруг деревьев в кадках.

– Значит, вот такой этот район «Маленькая Венеция», – говорю я.

Мы любим исследовать Лондон, поэтому каждый раз ходим в какое-нибудь новое местечко.

– Может быть, мы тут больше никогда и не окажемся, – отвечает Лора.

Я смотрю на часы – слишком поздно, чтобы идти куда-то еще. Меня греет мысль о том, что Рубен сейчас сидит дома: в нашей гостиной, в домашней одежде, свет приглушен, звук телевизора на минимуме. На подлокотнике дивана стоит бокал красного вина, его ножка зажата между тонких пальцев. Он любит вино, пьет его даже в одиночестве. А я, когда одна, пью газировку со смородиновым соком.

– Ты какой дорогой пойдешь? – спрашивает Лора, указывая большим пальцем себе за спину.

– По Уорвик-авеню. Это самый короткий путь.

Позади Лоры я заметила темную фигуру, маячащую под козырьком входа в бар, из которого мы только что вышли, но она исчезает прежде, чем получается ее рассмотреть. Может быть, это та парочка, движущаяся как одно целое, спешащая домой. Я оборачиваюсь снова, но там уже никого нет.

Я чувствую запах духов, когда Лора наклоняется, чтобы обнять меня. Сегодня на ней длинная юбка и байкерские ботинки.

– Напиши мне в «Ватсап», как будешь дома.

Я киваю. «Ватсап» – это наш выбор для общения. Десятки сообщений в день: ссылки на газетные статьи; фото ее работ; пиво, выпитое в середине дня вместе с Джонти; смешные мемы; мои селфи, когда я скучаю на работе. Нам это жутко нравится.

Я пересекаю канал по мосту из кованого железа, выкрашенного в синий цвет. Мои пальцы скользят вдоль перил. На мосту никого. Дождь усиливается, и ветер пробирает до костей.

Тогда я их и услышала. Шаги. Может, показалось? Останавливаюсь. Нет, точно шаги, тяжелая поступь.

Можно вернуться назад в бар. Но безопасно ли там?

Что надо делать, когда кажется, что кто-то преследует тебя, идущую по пустынной улице вдоль канала? Когда есть вероятность стать частью

статистики, новостного выпуска?

Ничего – вот и весь ответ. Ты продолжаешь делать, что делала, и надеяться.

Я никогда не думала, что со мной может произойти что-то подобное. Наверное, поэтому и веду себя словно героиня фильма: я останавливаюсь на минуту, прислушиваясь, и шаги стихают. Начинаю идти быстрее и слышу, что преследователь тоже ускорил шаг. Мое воображение срывается с места, как спринтер со стартовой линии, и вскоре я не могу сказать, что на самом деле реально. Я не знаю, может, он уже рядом и готов схватить меня. Звуки его размеренной походки эхом отскакивают от мокрого бетона.

Нужно кому-нибудь позвонить.

Я сворачиваю на боковую аллею, по которой раньше никогда не ходила, чтобы проверить, как поведет себя преследователь. Прохожу под балконами белых домов, в которых живут богачи. Иногда встречаются светящиеся эркеры, небольшие оранжевые квадраты в ночи, со вкусом украшенные рождественские ели сияют янтарем, как светлячки. В любой другой день я бы заглядывала в окна, воображая, кто может жить в этих домах.

Он идет за мной. Еще пять шагов, которые громом звучат позади. Я застываю и не могу обернуться. Начинаю перебирать различные варианты. Если позвонить Лоре, сможет ли она быстро сюда добраться? Скорее всего нет, поэтому я решаюсь бежать, несмотря на эти дурацкие туфли.

Можно постучать в любую дверь. Но… действительно ли меня преследуют? Люди могут подумать, что я сумасшедшая. Странно, как много для меня значит общественное мнение, из-за этого же я не смогла закричать в баре, когда Сэдик схватил меня за руку. Я хочу нравиться всем.

Поворачиваю направо, выхожу с боковой улицы на главную и перехожу ее. Достаю телефон, чтобы позвонить. Служба спасения? Нет, это слишком. Звоню Рубену. Он не отвечает целую вечность – мой муж ненавидит разговаривать по телефону, – но наконец я слышу его «Алло», которое он произносит низким голосом, эхом отозвавшимся во мне.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

Я могу представить, с каким комфортом он расположился на диване. Его волосы в полумраке нашей гостиной кажутся медно-рыжими. Он щурит темно-зеленые, цвета леса, глаза.

– Рубен.

– Что? – говорит он и, наверное, садится.

– Меня преследуют, – отвечаю я тихо. Не знаю, почему я это не прокричала.

В этот момент он хмурит брови.

– Кто?

– Тип из бара.

– Где ты?

– Ты можешь разговаривать со мной, пока я иду?

– Конечно.

– Хорошо, – говорю я.

– Хорошо, – отвечает он мне, но его голос обрывается.

Я убираю телефон от уха и смотрю на него, свет экрана освещает облачко пара, которое я выдыхаю. Черт, сигнал пропал.

Передо мной ведущие к мосту ступеньки. Я хочу посмотреть, идет ли мужчина за мной. Ставлю ногу на первую ступеньку и замираю – оглянуться нет сил.

Он позади меня, и это не мое воображение. Я знаю, что он готов снова схватить меня за бедра, чтобы прижаться ко мне против моей воли. Замечаю его красные кроссовки. Боже… Он здесь. Я слишком напугана, чтобы оглянуться и как

следует рассмотреть своего преследователя, – не могу этого сделать.

– Алло? – Я в отчаянии трясу телефон.

Через помехи вроде бы слышен голос Рубена, а затем…три гудка. Звонок прерывается.

Я бегу вниз. За несколько ступенек до конца лестницы его рука в перчатке вцепляется в перила, как хищная птица. Ловлю себя на мысли, что именно такие перчатки он и должен носить: дизайнерские, в спортивном стиле. У него тело спортсмена.

Я слышу его дыхание и знаю, что он сейчас заговорит, чтобы запугать меня. Наверняка его губы уже рядом с моим ухом, его руки вот-вот схватят мое тело. Я берусь за перила. Они холодные и влажные, мои перчатки сразу промокают насквозь.

Действую прежде, чем успеваю что-либо осознать. Мужчина появляется справа, хочет обойти меня на широкой ступеньке. Поворачиваюсь к нему. Лицо закрыто капюшоном, но я знаю, что это Сэдик, мужчина из бара. Я вспоминаю те минуты в баре и представляю еще более ужасные вещи: его сладкое дыхание у моего рта; член, прижимающийся к моему белью через джинсы.

Сперва я резко хватаю его за руку – он с удивлением вскрикивает, а затем правой рукой я толкаю его изо всех сил, сильнее, чем когда-либо в жизни. Как только он падает, я отпускаю его руку. Я удивлена, что он упал, – его рост не меньше метра восьмидесяти. Он, как каскадер, скатился вниз по бетонным ступеням и теперь лежит на животе, изогнувшись под неестественным углом. Мое дыхание становится тяжелым, и я потрясенно смотрю на мужчину. Теперь я в безопасности. Это он лежит там, не двигаясь, а я – в безопасности.

Меня бросает в странный панический жар. Я быстро расстегиваю пальто, чтобы почувствовать на своей груди холодный зимний ветер. Мой лоб мокрый, кожа скользкая от влаги или от пота, а может, от сгущающегося тумана. Мои внутренности готовы разорваться, и я чувствую, что в животе начинает гудеть целое гнездо шершней. О боже, что я натворила?!

Буквально минуту назад я боялась за свою жизнь, сейчас я боюсь за жизнь преследователя.

Мысленно возвращаюсь к вечеру в баре. Бестолковая Джоанна, нужно было игнорировать его либо сказать, чтобы отвалил, как это сделала Лора. Я никогда не поступаю правильно, постоянно влипаю в неприятности и упускаю момент, когда все становится только хуже.

Закрываю глаза. Пожалуйста, можно мне перенестись в «до того»… До того, как мы встретили Сэдика; до того, как мы ушли из бара; до того, как он пошел за мной и я его толкнула.

Но нет. Сейчас время «После».

Смотрю вниз на Сэдика. Его левая рука лежит под телом, странно вывернутая. Он пролетел всего семь ступеней, но они бетонные и мокрые. Его правая рука вытянута вперед, одна щека прижата к асфальту. Он не шевелится.

Нужно помочь ему, вызвать скорую помощь.

Или, может, убежать – вдруг он очнется. Скорее вернуться домой, притвориться, что я ничего не делала, оказаться во времени «до того», даже если это, очевидно, невозможно.

Слишком яркие уличные огни тысячу раз преломляются в каждой капле моросящего дождя. Я вижу влагу на бетонных ступенях, похожую на тысячи бисеринок пота, чувствую пронизывающий сквозь пальто холодный воздух. Сэдик лежит неподвижно, но дышит. Я слышу его дыхание, смотрю на него, затем по сторонам и думаю, что же мне делать.

Сбежать или остаться и вызвать скорую?

Время принять решение.

Глава 2

Признание

Стою и смотрю на Сэдика. Я могу уйти. Убежать – точно так же, как делала всю свою жизнь.

Я поворачиваюсь к нему спиной и делаю три шага. Затем останавливаюсь и смотрю через плечо, уверенная в том, что он восстанет позади меня, как злодей из сказки. Но он все еще лежит, не двигаясь.

Большие дождевые капли бьют меня по носу и распадаются, оставляя следы из маленьких брызг.

Я все еще смотрю через плечо. Можно уйти. Маленькая Венеция пустынна, ни одного прохожего вдоль канала.

Меня бросает в пот. Я надуваю щеки и поднимаю глаза, пытаясь обдумать ситуацию, но все, что у меня получается, – это паниковать. Чувствую себя так, словно все ужасы, страхи и безумие этого мира обосновались у меня в животе. Мозг лихорадочно работает, но придумать ничего не могу, мои кулаки сжимаются и разжимаются – как морские звезды, – а ноги дрожат.

Я смотрю вниз, на Сэдика. Это наушники? Одна капелька выпала из уха, белый провод извивается на асфальте, как червяк.

Интересно, что бы в этой ситуации сделал Рубен? Может, позвонить и спросить у него? Нет, не стоит, я уже и так знаю, что он скажет, потому что он все делает правильно. Его любимое стихотворение – «Если» Редьярда Киплинга, а телесериал – «Западное крыло». Он социальный работник в организации, занимающейся благотворительностью в исламских странах. Я решаю, что это все аргументы в пользу того, чтобы уйти с места преступления прямо сейчас и никогда ничего Рубену не рассказывать. Он всегда поднимает стулья на столы после окончания рабочего дня, хотя это работа уборщиков. Его усыновили тридцать два года назад, и он никогда не держал обиды на своих биологических родителей. Однажды я поцарапала дверь чужой машины – неглубоко и почти незаметно – и уже протянула руку, чтобы протереть царапину салфеткой, как Рубен подскочил и написал подробную записку и наши номера телефонов прежде, чем я успела что-то возразить. Он всегда выбирает поступить

правильно – хотя вряд ли это каждый раз легкое решение.

«Да ради всего святого, позвони в службу спасения!» – сказал бы мой муж, запаниковав и удивляясь, что я вообще о таком спрашиваю.

Возможно, этот момент навсегда изменит его мнение обо мне. Рубен наконец увидит меня такой, какая я есть: трусливой, эгоистичной, жалкой.

Нет, такой я быть не могу.

Я спускаюсь на пару ступеней вниз и слышу голос. Останавливаюсь, хмурюсь и прощаюсь с прежней жизнью. Уверена ли я? Если позвонить сейчас, то будет запущен целый процесс… Сюда немедленно пришлют скорую. Мои данные внесут в систему, и я буду уже не Джоанна, а кто-то еще – просто номер.

Проходит минута, может, две. Сто двадцать секунд, на протяжении которых я стою, уставившись в пространство.

Откуда эти звуки, точнее, женский голос? Я приближаюсь на два шага и понимаю, что голос идет из наушников.

И даже решив, что делать дальше, я тяну время. Стараюсь отложить этот звонок, понимая, что это все усложнит. Я прокрастинирую всю сознательную жизнь. И сейчас тоже.

Проходит еще минута.

Не знаю, что подтолкнуло меня к действиям. Может быть, мне были нужны эти три минуты для того, чтобы смириться с ситуацией, переместиться во время «после». Возможно, было нужно убедиться в том, что он не встанет, не схватит меня. Не знаю. Я достаю телефон, стоя на ступенях моста, и набираю номер. Никогда в своей жизни не звонила в службу спасения, хотя благодаря сериалам на «Би-Би-Си», книгам и фильмам мне кажется, что я уже это делала.

Гудки не идут. Сначала странный шум, а потом сразу отвечает оператор. Услышав ее шотландский акцент, я торопливо спускаюсь, как будто могу приблизиться к лежащему мужчине только находясь под защитой этого голоса.

– Что у вас случилось? – спрашивает женщина.

– Я… Тут мужчина, он ранен.

Как только я наклоняюсь над его телом, снова слышу звуки, голос. «Глубоко вдохните и задержите дыхание на пять секунд», – вот что он говорит. Что-то вроде гипноза, может, медитация.

– Так, дорогая, насколько сильно он пострадал?

– Я не знаю.

– Хорошо, как вас зовут?

– Джоанна Олива, – отвечаю я, сразу же спохватившись: а не лучше ли было назваться вымышленным именем?

– Хорошо, Джоанна, мы пришлем к вам экстренную службу, – отвечает оператор. Тон ее совершенно нейтральный, она не оказывает поддержку, не объясняет, что за экстренная служба.

Интересно, о чем она мечтает, на что надеется? Может быть, с ней однажды произошел несчастный случай, и теперь она хочет помогать другим. Я закрываю глаза и представляю, что нахожусь в совсем другом месте и разговариваю по телефону с другом. Может быть, это побережье, у меня выходной, а приятелю позвонила потому, что скучно. Или это я звоню Рубену от нечего делать, по пути домой. Он всегда берет трубку, и мы болтаем, пока я не дойду до двери нашей квартиры.

Я диктую оператору адрес, ну как адрес, примерное место:

– Один из боковых мостов в центре Маленькой Венеции, у канала. – Слышу, как она печатает.

– Теперь я хотела бы, чтобы вы оценили состояние мужчины, вы сможете? – спрашивает оператор.

Может быть, ее наняли из-за успокаивающего голоса, а в свободное время она озвучивает рекламные ролики на телевидении. Я не могу перестать фантазировать и поражаюсь тому, что делаю это даже в столь необычных обстоятельствах.

Я наклоняюсь и слегка дотрагиваюсь до плеча мужчины, его черной куртки. Она мягче, чем казалась, – из флиса. Он в узких штанах, похожих на легинсы – там, в баре, я была уверена, что на Сэдике джинсы. Но на ногах те самые красные кроссовки.

– Он лежит лицом вниз, на бетоне. Он упал… Пролетел несколько ступеней, точнее семь. – Бестолковое замечание. Ступени я пересчитала из чувства вины.

– Хорошо. Он дышит? Но не трогайте его шею. Хорошо? Джоанна?

Ее тон пугает меня, меня все пугает. Ощущение, что весь мир пропущен через черный фильтр, и я снова чувствую горячую, потную тошноту. Молчу.

– Джоанна?

– Да. – Кончиками пальцев я прикасаюсь к пострадавшему мужчине, и в его травмах виновата я. Едва осмеливаюсь думать об этом. Это все равно что смотреть на солнце.

Я не могу перевернуть его, просто не могу.

Из наушников по-прежнему звучит голос: просит представить пляж, набегающие и отступающие от него волны, – и я прислушиваюсь вместо того, чтобы действовать.

– Вы можете посмотреть и прислушаться, постараться понять, дышит ли он? Вы знаете его имя? – диспетчер произносит слова отчетливо, как учительница начальной школы.

Посмотреть, прислушаться и понять. Я не осознаю, что значат эти слова. Оглядываюсь через плечо, на скользкую от дождя улицу, смотрю на мосты вдоль канала, почти все выстроенные в одну линию, но расплывчатые, как если бы мой

взгляд был затуманен.

Смотреть.

Слушать.

Чувствовать.

Я смотрю на мужчину, лежащего лицом на тротуаре, и нагибаюсь к нему.

– О нет, – невольно вырывается у меня, потому что его лицо все мокрое. Сначала почудилось, что это кровь, но на пальцах влага оказалась холодной и неплотной.

Как только мои глаза привыкают к темноте, все становится понятно – внизу ступеней собралась лужа. Тротуар растрескался из-за корней дерева, растущего в нескольких метрах, в одной из трещин собралась вода.

Голова мужчины полностью погружена в темную воду.

– Он лежит лицом вниз, в луже.

Она же мне поможет? Она же на моей стороне, по крайней мере, должна быть. Она хороший человек, который работает в колл-центре службы спасения.

– Переверните его на бок как можно скорее, вытащите из воды, – говорит она. – Есть травмы головы или шеи?

– Я… Я не знаю, я толкнула его, он упал и скатился вниз по ступенькам.

Никого нельзя винить за честность и судить за случайную ошибку.

– Как можно быстрее, – повторяет оператор.

Я переворачиваю мужчину, одна часть лица которого скрыта капюшоном, а другая находится в тени.

– Сейчас вам нужно проверить, дышит ли он. Смотреть, слушать и чувствовать, помните? Можете повторить за мной?

– Смотреть, слушать и чувствовать, – повторяю я деревянным голосом.

– Посмотрите, поднимается ли его грудь, приложите ухо, постарайтесь почувствовать его дыхание.

Я таращусь на грудную клетку мужчины, а потом наклоняю к ней голову. Внезапно получается слышать буквально все вокруг: шум уличного движения, плеск воды в канале, звук разбивающихся о бетон капель дождя. Но ни звука от лежащего человека.

Я снимаю перчатку и подношу руку к его лицу, но не чувствую дыхания на своих пальцах. Это настолько неестественно, словно не хватает важной части тела, например, ресниц или ногтей на пальцах. Содержимое моей сумки рассыпалось по земле, как только я наклонилась над мужчиной – выкатилась помада, которой я никогда не пользуюсь, поскольку она нервирует меня, постоянно размываясь.

– Он не дышит. – На меня накатывает новая волна паники.

– Точно? – переспрашивает оператор. – Приложите щеку к его рту и скажите мне, если почувствуете его дыхание на своем лице.

Я морщусь, но все равно делаю это.

И ничего не чувствую: ни дуновения, никакого тепла, никакого шевеления прядей волос от его дыхания. Ничего.

– Он точно не дышит.

– Сейчас нужно сделать искусственное дыхание, – говорит женщина, ее голос хрипловатый, терпеливый, сочувствующий. – Потому что он утонул.

Утонул.

– Хорошо.

– Переверните его на спину. Осторожнее с шеей. Поднимите его подбородок вверх, Джоанна. Запрокиньте его голову назад. Сделали?

Я перетаскиваю мужчину на более ровное место. Капюшон сполз, и стало видно его лицо. Это не Сэдик.

Его глаза также широко расставлены, но на этом сходство заканчивается. Черты его лица тоньше, никаких тяжелых бровей, ямочки на щеках. Это не Сэдик, не Сэдик, не Сэдик!

– Я… – я ничего не говорю, хотя, может быть, и стоит. – Черт! Сейчас.

Мысли мои бегут, как вода через сточную трубу. Это не он, не он. Этот человек не домогался меня, не преследовал. Я снова смотрю на его кроссовки, точно такие же. Точно такие же дурацкие кроссовки.

Он вышел на пробежку: в кроссовках, с наушниками, весь в черном. Как я могла сделать такую катастрофическую ошибку? Как можно было не проверить?

Голос в наушниках становится то громче, то тише по мере того, как я двигаюсь.

Я могу бросить трубку, убежать, улететь куда-нибудь прежде, чем меня остановят. А меня остановят? Все мои знания получены от просмотра телевизора. Не помню, когда в последний раз открывала газету. Приходится с горечью признать, что я ничего не знаю о реальном мире. Вот Рубен знает, что делать – он Правильный Человек, который может говорить о глобальной политике, показать, где на карте находится Иран, и знает, что такое пассеровка. Но, конечно, правильный Рубен никогда бы не попал в такую ситуацию.

Тело сковывает какое-то странное ощущение, глаза сухие и тяжелые. Предметы двигаются, как в калейдоскопе, когда я смотрю на них. Может быть, я пьяна, ведь выпила четыре бокала. Я наклоняюсь и вдыхаю воздух в рот мужчины. Это очень интимно, ведь последние семь лет мои губы касались только губ Рубена.

Пять вдохов, и ничего не происходит.

Оператор приказывает начать непрямой массаж сердца, если нет признаков жизни.

Я наклоняюсь и переплетаю пальцы, как было велено, оставив телефон на громкой связи. Удивительно, но я легко продавливаю его грудь.

Это происходит внезапно, после пяти надавливаний. Мужчина реагирует: губы разжимаются, он втягивает воздух, грудная клетка поднимается, а тело начинает содрогаться в конвульсиях.

– Он… что-то происходит, – кричу я.

Затем он откашливается отрывисто и громко.

Я отворачиваюсь, не желая смотреть на это. Может быть, он откроет глаза, встанет и уйдет, недовольный и расстроенный, но живой – как будто бы мы автовладельцы, которые помяли друг другу бамперы. Я закрываю глаза и хочу, чтобы было именно так.

– Он кашляет, – говорю я оператору бесцветным голосом. Не могу признаться ей, что это не тот человек, не могу сказать ей ничего.

– Ок, хорошо. Скорая уже близко, – отвечает мне женщина.

Сэдик, нет, НеСэдик – все еще лежит. Его глаза закрыты, грудная клетка размеренно поднимается.

– Вы можете перевернуть его на бок?

Меня накрывает еще одной волной страха, как приливом, я борюсь с ней, кусая губы. Я уже боюсь не Сэдика, а того, что теперь будет со мной.

– Хорошо, – говорю и переворачиваю его.

Непохоже, что мужчина пришел в сознание. Его веки не дрожат, как у Рубена перед пробуждением утром в воскресенье – единственным утром на неделе, которое мы всегда проводим вместе, – когда он не разбирается со счетами, не

помогает своему депутату или не возглавляет протесты. Руки мужчины не выдерживают собственного веса. Рубен всегда переворачивается и тянется ко мне, желая удержать даже во сне. Руки этого мужчины падают на землю, неестественно скрючившись, как у обезьяны.

НеСэдик лежит на боку с согнутыми ногами, как сказала мне сделать женщина-оператор. И тут я вижу машину скорой: фары вспыхивают, отражаясь в зеркальной витрине магазина выше по улице. Синий маячок отражается в окнах напротив, слегка позади самой машины, преломляясь в каждой поверхности.

Нет, я ошиблась. Это не отражение. Это машина полиции, следующая прямо за машиной скорой помощи. Скорая для него, а полицейская машина – для меня.

Глава 3

Молчание

Весь мир сужается только до нас двоих – меня и Сэдика, лежащего без движения, лицом вниз. А затем меня захлестывает паника в таком чистом виде, будто внутривенная инъекция.

Меня бросает в пот. Уличные фонари становятся слишком яркими. Я расстегиваю ворот пальто, чтобы дать доступ воздуху, и уже через несколько я вся мокрая – пот, испаряясь, ощущается, как сотни иголок.

Я стою, ничего не делая, только прислушиваясь к своим чувствам: страху, разлитому чернилами внизу желудка; панике в виде кирпичей на грудной клетке; вине, сжигающую низ живота, – и таращусь на Сэдика.

Так проходит минута, две. Я осматриваюсь вокруг. Никого кроме нас. Представляю, как поднимаюсь над этой сценой и вижу себя: женщину, грызущую ноготь большого пальца, которая смотрит на мужчину, лежащего на земле лицом вниз; темный канал, мутный от изморози, освещаемый желтыми квадратами уличных огней. Над нами луна, над ней – космос.

Я потею сильнее. Не могу… не могу это сделать, у меня не хватает сил остаться, помочь ему, набрать номер.

Оборачиваюсь и смотрю на него снова. Может быть, я ошиблась и он всего лишь упал, может быть, все не так страшно, как сейчас кажется. Он был извращенцем, сексуальным маньяком – и он просто упал, вот что произошло.

Неожиданно мне остро захотелось к Рубену, такое иногда накатывает, когда я выключаю на работе свет или кипячу чайник, пока его нет дома. Тоска по ощущению его присутствия рядом. Тоска по тому, что он всегда стоит ко мне ближе, чем к кому-либо еще. По тому, что он всегда готов меня выслушать. И по тому, что он пишет сообщения с сексуальными намеками на вечеринках и потом смотрит, как я краснею. Никто не верит, что наедине со мной он другой.

Ох, Рубен, где же ты сейчас? Почему ты не пришел сегодня? Ты мог бы мне помочь? Я думаю, как уютно он сейчас сидит в одиночестве дома, и хочу, чтобы он оказался рядом.

Сэдик все еще неподвижен. Я не могу этого сделать одна, без Рубена. Будет лучше, если я просто… если я просто уйду. Кто-нибудь скоро найдет его, это же Лондон. Люди подумают, что он пьяный или просто неуклюжий. Все с ним будет в порядке.

Я отошла на пару шагов назад и затем сделала то, что умею лучше всего: проигнорировала случившееся, развернулась и пошла прочь.

Я перехожу мост и двигаюсь по направлению к Уорвик-авеню. Всего несколько шагов, и я в другом месте.

Каблуки моих прекрасных туфель, которые я с такой радостью надела всего несколько часов назад, гулко стучали по мосту. Пару минут назад меня преследовал Сэдик, но теперь я одна, и он тоже.

Я останавливаюсь пару раз, но не оборачиваюсь. Ярко освещенный вход в метро – мой Рубикон. Точка невозврата. Рубен упомянул о нем однажды, посмеиваясь, как он обычно делает, когда я о чем-то не знаю. Не покровительственно, нет, просто… по-своему. Когда он вышел из комнаты, я проверила, как пишется слово, я думала, там «г» посередине, а не «к».

Наконец я в метро.

Все кончено навсегда. Молчание всегда работает, и никто ничего никогда не узнает. Возможно, если я буду врать достаточно долго, вслух и самой себе, то ложь станет правдой. Как хамелеон, который меняет окрас в зависимости от окружающей среды. Я не бегу, чтобы не привлекать внимание, но я вся на нервах, поэтому походка становится семенящей, – приказываю себе успокоиться и идти медленнее.

Продавец в киоске с чипсами, банками колы и увядающими цветами не обращает на меня внимание, уставившись в телефон.

Я в безопасности, Сэдик далеко. Мое дыхание успокаивается, я осматриваюсь по сторонам; флуоресцентные лампы освещают постеры с рекламой концертов и книг. Я вдыхаю горячий пыльный воздух. Сердцебиение замедляется, я закрываю глаза, и перед мысленным взором встает картина лежащего Сэдика, но я прогоняю ее.

На платформе стоит женщина, одетая в выцветшие узкие джинсы, бежевые ботинки и розовое пальто. Ее одежда аккуратная, волосы идеально прямые даже в конце дня. Думаю, она проводит выходные без интернета, читая постмодернистскую литературу.

Почему не она, почему я? Почему подобное всегда происходит со мной?

Я смотрю на табло: поезд прибудет через минуту. Потом замечаю, что это неправильная платформа, и перехожу на другую сторону.

Здесь никого, но я слышу стук каблуков той женщины.

Мой мозг пытается осознать случившееся, разложить по полочкам, но я не позволяю это сделать. Рассудок подсказывает, что селфи из бара – это доказательство, а та женщина в розовом пальто может рассказать, что я выглядела подавленной.

Вместо того, чтобы прислушиваться к этим мыслям, я смотрю на рекламу психологического триллера со слоганом: «Она наблюдает за тобой». С постера

на меня смотрит пара карих глаз, как у меня. Наконец их заслоняет прибывший поезд.

Рубен звонит мне, когда я выхожу из метро. Черт, я даже не сказала ему, что со мной все в порядке.

Я не отвечаю, а когда звонок обрывается, вижу, что он оставил два голосовых и одно текстовое сообщения. Беспрецедентное количество для моего необщительного мужа.

Привет, это я. Ты в порядке?

Привет, снова я… но теперь слегка обеспокоен.

Джо, наберешь меня?

Можно перезвонить ему прямо сейчас и все рассказать, но я знаю, что он сделает. Мы вместе уже семь лет, поэтому я точно знаю, что он скажет.

Он сдаст меня полиции, уверена в этом. Но я не могу признаться, не могу вернуться к мужчине, лежащему на асфальте, чтобы вновь ощутить эту неконтролируемую панику. Расскажу Рубену завтра, когда выдавать меня не будет смысла. С Сэдиком все будет в порядке, он очнется.

Медлить – это для меня привычно, я поступаю так всю свою жизнь. Начинать писать эссе, только после чашки чая или прочитанного выпуска газеты; отменять автоплатеж, когда настанет время следующего платежа, ну или уж точно еще через месяц.

За мной никто не идет. Я прохожу мимо группы людей, и никто из них на меня не смотрит. Мир изменился для меня, но никто об этом не знает. Тот же воздух, тот же дождь. Но где-то на асфальте лежит мужчина, и это из-за меня. Но он далеко, на расстоянии поездки на метро. А я почти дома, и произошедшее уже кажется чем-то абстрактным. Может быть, если я смогу посмотреть на ситуацию под новым углом, все окажется по-другому.

Отправляю Рубену смс: «Почти дома, все нормально, целую».

И тут я срываюсь на бег. Потому что вдали от места происшествия мне больше не нужно вести себя нормально. И потому что вспоминаю лицо Сэдика в баре, представляю его позади себя, преследующим, а потом представляю полицейскую облаву.

Я спотыкаюсь о неровную тротуарную плитку и не могу удержать равновесие. Падая, скольжу по земле и подворачиваю запястье.

Секунду сижу на дороге, вот-вот расплачусь, как ребенок, но быстро встаю и осматриваю руки. Всего лишь небольшая ссадина, левая кисть пульсирует, но я не обращаю на это внимания.

Снова бегу и уже почти вижу дверь квартиры. Мои родители и Уилф считают нас глупыми и предлагают потратиться на домик в Кенте с двумя спальнями наверху и двумя гостиными внизу, но нам нравится здесь. Нам нравиться жить в Лондоне, он как будто наш друг, от которого не хочется далеко уезжать.

Спускаюсь по ступенькам – их всего пять – до двери. Интересно, я всегда, приходя домой, буду вспоминать произошедшее, запомню ли навсегда этот вечер. Решительно отгоняю эти мысли. Рубен открывает дверь прежде, чем я начинаю копаться в сумочке в поисках ключа, – он всегда старается помочь.

– Привет, все нормально? – спрашивает муж, и я вижу, что заставила его волноваться.

Он замирает на секунду, обрамленный светом, падающим из узкой прихожей, присматривается ко мне. Должно быть, я выгляжу безумной. Приглаживаю волосы, стараясь казаться нормальной, и отвечаю:

– Да, прости.

Он отворачивается и уходит на кухню, открывает большой серебряный холодильник и протягивает мне бутылку молока.

– Лучше вина.

– О нет, – Рубен убирает молоко и подходит ко мне. Я почти морщусь от боли, когда он берет меня за руку, но в последний момент сдерживаюсь.

Рубен высокий и худой с узкими бедрами. У него рыжие волосы и темно-рыжая борода, ее длина всегда разная – сейчас это щетина. Кожа легко обгорает и покрывается веснушками. В тридцать два года его лицо уже покрыто морщинами, хотя на голове нет ни одного седого волоса. Я знаю, что он выглядит старше своих лет, потому что те мужчины, с которыми я его иногда путаю, все старше его. Рыжеволосый мужчина на улице, который на мгновение покажется мне Рубеном из-за легкой походки, грациозности и какой-то отстраненности – окажется не им. При ближайшем рассмотрении ему будет лет сорок, и я удивлюсь, что вообще могла их перепутать. Рубен не любит бессмысленную болтовню, а его самое худшее качество – прямота, часто переходящая в грубость. Полагаю, он хочет жить в лучшем мире.

И во всем мире нет человека, которого я любила бы больше него.

В последнее время я стала задумываться, какими будут наши дети. У них будут его прекрасные, ярко-рыжие волосы, его светлые ресницы и зеленые глаза. Люди на улице будут улыбаться мне и моему рыжему семейству.

– Что случилось? – бормочет Рубен, уткнувшись в мои волосы. – Мужик из бара?

Киваю, уткнувшись ему в грудь.

– Ужасно. – Он гладит меня по спине.

Я сглатываю горечь, скопившуюся во рту, и поворачиваю голову, чтобы оглядеть кухню. Как я и думала, она выглядит безукоризненно. Замечаю, что земля в горшках с растениями мокрая, – завести садик на кухне было одной из моих последних прихотей. Рубен полил цветы, и сам успел сходить в душ. Наверняка он уже и поработал, и посмотрел какой-нибудь фильм. Мой муж спокойный, организованный, а я трачу вечера на бесполезный просмотр развлекательных сайтов, розыск старых школьных друзей по соцсетям и размышлениям, что надо бы разогреть духовку, но двигаться с места лень, – а потом оказывается, что уже одиннадцать вечера, а я еще не ужинала.

– Хорошо провел вечер? – Мне удается выдавить из себя вопрос, хотя от волнения снова бросает в пот, расширяются зрачки и трясутся руки.

– Ага, – отвечает он, быстро оглядывая меня.

– Что делал?

– Заполнял анкеты и формы для моего клиента.

Рубен один из тех людей, у которых слишком много работы. Он социальный работник в исламской благотворительной организации и еще помогает депутату в общественной приемной, когда дело касается разборок между бандами. Как эксперт он иногда выступает в суде и оценивает правомерность поступков социальных работников. Он мало спит, и у него всегда есть чем заняться. Рубен педантичен: составляет списки дел глубокой ночью и сразу же их систематизирует. Кажется, что Рубен никогда не теряет энтузиазма, никогда не беспокоится и ничего не откладывает на потом.

Он разжимает объятия, и меня охватывает странное чувство, что это было последнее мгновение в мире, где не существует проблем. Убеждаю себя, что ошиблась и все будет по-прежнему: планирование дел и уборка кухни. Я упустила возможность изменить свой мир, не позвонив в полицию. Я прижимаюсь к Рубену, и меня накрывает волна облегчения, и он как всегда немедленно обнимает меня в ответ.

– Наладится. – Это сокращенное «Все наладится» на языке нашей пары.

Я киваю со слезами на глазах, и он вытирает их салфеткой. Руки Рубена гладят меня по спине. Мое пальто мокрое насквозь, но он ничего не говорит. И не скажет.

Муж наливает мне бокал красного вина, и я беру его правой рукой. Левая безвольно повисла. Я буду наслаждаться совместным вечером и вином, попытаюсь прогнать дрожь и страх. А завтра – завтра я встречусь с ними лицом к лицу.

Рубен идет в гостиную, совмещенную с кухней.

Я выглядываю в окно и вижу на улице соседку, ей сто два года. Иногда к ней приезжает семидесятипятилетняя дочь в компании престарелых собак. В этом доме все старые, шутим мы с Рубеном. Я вглядываюсь в черты лица Эдит прежде, чем помахать рукой. Она обеспечит мне алиби, повезло, что она поздно ложиться.

Рубен возвращается в кухню, чтобы взять лист бумаги с кухонной стойки, и слегка толкает меня. И я вспоминаю, как почувствовала тело Сэдика своими руками в перчатках; и то, что он упал так же легко, как и костяшка домино, – от легкого толчка.

– Эдит в своем репертуаре? – спрашивает Рубен, глядя на меня.

Я как-то сказала ему, что представляю ее роботом, потому что никто не может быть таким старым, и что она правительственный эксперимент. Он тогда покраснел от смеха и сказал: «Ты никогда не изменишься, Джо-Джо».

– Да, – отвечаю деревянным голосом.

На меня снова накатывают воспоминания: как Сэдик хватает меня за руку в баре, как его член прижимается к моей ноге.

– У тебя есть время для пункта 78? – спрашивает Рубен, показывая на список на нашей доске – написанный красным мелом топ-100 фильмов на все времена, согласно какому-то опросу. Мы киноманы и сейчас проходим обряд взросления, который оба пропустили в подростковом возрасте. Я была слишком занята, потому что училась, занималась в любительском театре, балетом и игрой на кларнете; а Рубен был занят тем, что становился самим собой. Он самый начитанный человек, которого я знаю: может процитировать главу из Лакана, Маркса или Канта. В младенчестве его усыновила семья ученых, которая держала паб. Все его детство прошло за чтением книг в комнатах над баром. Даже сейчас, когда мы навещаем их в Норфолке, они говорят об экономике, политике, а бар заполнен книгами в мягких переплетах, которые они читают.

Теперь мы смотрим несколько фильмов в неделю. Только что посмотрели номер 79, а следующий – «Изгоняющий дьявола». Перед просмотром Рубен всегда приносит одеяло, и мы сидим в обнимку, укрывшись. Время от времени он ставит фильм на паузу и спрашивает: «Ты вообще смотришь?», и мы смеемся над тем,

что я постоянно отвлекаюсь.

Вдали я слышу вой сирен, который становится все ближе. Рубен смотрит на меня, но я избегаю встречаться с ним взглядом. Я не смогу заговорить, пока не узнаю – за мной это едут или нет. Звук сирен становится все громче, и я ожидаю, что он оборвется, из машины выйдут двое крепких полицейских в тяжелых ботинках с дубинками. Они в любую секунду могут позвонить в дверь. В любую секунду.

Звук удаляется, становясь все тише и тише. В этот раз не за мной.

Я сглатываю и смотрю на зимнюю черноту за окном.

Как все сложится в будущем? Станет ли Лондон – который мы с Рубеном так любим – чем-то вроде комнаты для ожидания моего… чего именно? Ареста? Я прогоняю эти мысли, просто не могу об этом думать.

– К «Изгоняющему дьявола» я не готова, – говорю Рубену и стараюсь сгладить отказ легким смешком.

– Мы же договаривались смотреть по порядку. – Рубен строгий приверженец правил.

Он стоит в конце нашей длинной, узкой кухни, и то, как падает свет, напоминает мне о дне нашей свадьбы: Рубен стоял в конце прохода, наполовину в тени. Я так долго представляла нашу свадьбу – планирование и организация почти убили меня, – что, когда этот день наконец настал, провела его, притворившись, что это чей-то другой праздник, а я на нем просто гость. Так мне удалось получить больше удовольствия.

Я помню наш первый поцелуй в статусе мужа и жены. Возможно, Рубен смущался целовать меня перед толпой людей или был обеспокоен только что принятым решением, а возможно, считал, что это я встревожена. Но я помню тот поцелуй – сухой, формальный, – обычно он целует меня не так. Я никогда не спрашивала его, почему так получилось, но всегда помню об этом.

– Ок. – Рубен выходит из комнаты с бокалом вина в руке, и я слышу, что он идет в спальню.

После его ухода я замечаю, что в лотке для писем на кухонном столе лежит листок, сложенный пополам. Вытаскиваю его, стараясь отвлечься от вихря мыслей, бушующего на задворках сознания. Это бланк заявки. Узнаю свой почерк и разворачиваю лист. Это мое заявление на поступление на курс писательского мастерства. Как я могла забыть? Подношу к свету этот кусочек моей жизни «До». В прошлый вторник я распечатала и заполнила эту форму, но забыла ее отправить. Рубен скрепкой прикрепил к письму марку – он всегда пытается помочь.

Муж возвращается в гостиную, я кладу письмо обратно и сажусь к нему на диван.

– Спасибо за марку, но я не уверена, что сочинительство это мое «Призвание».

Рубен кивает, откладывает в сторону газету, которую читал, и говорит, смотря на меня:

– Тебе не нужно «Призвание».

– Нет?

– Я почти решил судоку. – Рубен показывает мне газету.

Смотрю на нее и подсказываю:

– Там восемь, а там два.

– Ты слишком умная, чтобы быть счастливой, Мерфи, – говорит он. – Ты идешь спать? Возьми с собой вино. Мы уже не сможем такого себе позволить, когда появится крошка Олива.

Он тоже все чаще и чаще говорит о детях. «Скоро», – твердим мы, желая насладиться последними мгновениями жизни только вдвоем.

– Да. – Я снова представляю Сэдика, лежащего на земле лицом вниз.

Я пойду спать вместе с Рубеном, буду читать книгу, пока он обнимает меня, а утром все ему расскажу.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спрашивает Рубен, когда я забираюсь в кровать.

– Сказать что? – бормочу я, глядя на жалюзи, ожидая, что они вспыхнут синим цветом, извещая о прибытии полиции, или что зазвонит телефон.

Ничего не происходит, и я не могу поверить, что действительно сейчас лягу спать.

– Ты знаешь… – говорит Рубен.

Я начала эту игру, а он поддержал, и она стала такой же привычной, как чистка зубов.

– Нет, не знаю.

Рубен с удивлением смотрит на меня:

– Мы не пропускали ни одного дня, – говорит он.

– Я не могу, – отвечаю я. – Ничего на ум не приходит.

Рубен мрачнеет, но не говорит ни слова.

Десять минут спустя здоровой рукой я открываю бар с напитками в нашей маленькой кухоньке и достаю новую бутылку вина. Выпью несколько бокалов, чтобы снять напряжение. Надеюсь, алкоголь поможет мне забыть эту ночь, затмит все, вплоть до того момента, как я толкнула Сэдика.

Рука трясется, пока я открываю штопором бутылку, зажав ее между коленей, – вторая рука все еще болит.

Задремав, я вижу во сне Сэдика: он стоит на пороге, похожий на смерть, и подходит ко мне все ближе каждый раз, как я моргаю. Когда я открываю глаза в третий раз, его лицо уже около моего, а руки, измазанные к крови, вытянуты, будто он делает селфи.

Когда я просыпаюсь, на улице светло. Рубен мирно спит на своей половине кровати, отвернувшись от меня.

Воспоминания возвращаются не сразу, как бывает, когда просыпаешься в незнакомой кровати и в течение нескольких секунд пытаешься понять, где находишься.

Сначала я вспомнила ночной кошмар: человека, приближающийся ко мне из угла комнаты, его окровавленные руки, его дыхание на моем лице.

Но не все из этого сон.

Страх черным плащом окутывает меня, я чувствую, как кровь отливает от лица. Это было на самом деле.

Это было по-настоящему.

Левой рукой пытаюсь сжать одеяло, и она начинает пульсировать от боли. Тут меня передергивает. Эти руки толкнули человека. Эта рука была вывихнута, когда я сбежала с места преступления. Преступление. Я встаю и, все еще сонная, иду в ванную. Хочу посмотреть на себя, проверить, что я настоящая и не изменилась. Собрать себя воедино.

Глядя в зеркало, провожу пальцем по щеке, на которой остались почти незаметные, едва видимые, высохшие следы от слез. Я плакала во сне.

Сглатываю и думаю о том, что надо все рассказать мужу.

Я выглядываю из ванной. Моя голова поворачивается к Рубену, как цветок к солнцу. Он кажется таким умиротворенным в утреннем свете, и я не могу оторвать взгляда. Его борода ярко-рыжая, глаза закрыты. Скоро эти прекрасные глаза будут смотреть на меня совсем по-другому.

Глава 4

Признание

Дрожу все сильнее – ко мне приближается женщина-полицейский. И я замечаю, что она ярко накрашена. Интересно, как она выглядит без толстого слоя тонального крема, слишком светлого для нее, густо накрашенных ресниц и голубых теней на глазах. Укутываюсь в пальто плотнее.

– Джоанна? – обращается она ко мне.

Не отрываю от нее взгляда – должна же она понять, что это была ошибка, случайность, ничего намеренного. Она должна понять меня, как женщина женщину. Смотрю на женщину внимательнее и представляю, какая у нее спальня, где она наносит макияж. Минималистичная? Или, может быть, наполненная тщательно подобранными безделушками? Интересно, что привело ее в полицию, и сложно ли служить женщине? Я действительно хотела бы узнать об этом – лучше бы мы случайно встретились на девичнике или на вечеринке по поводу крещения.

– Джоанна Олива, да, – отвечаю я, продолжая изучать черты ее лица.

Она коротко и резко выдыхает через нос и переступает с ноги на ногу. Ей скучно. Я просто очередное дело во время длинной ночной смены. Как странно, что два человека могут воспринимать так по-разному одно и то же событие.

Мужчина – НеСэдик – кашляет, им занимаются врачи скорой. Я чувствую, как импульсы страха перестают пронизывать мои руки и ноги и по телу разливается ощущение счастья. Он в порядке, а значит, и у меня все будет хорошо.

Оглядываюсь на офицера полиции, которая все еще смотрит на меня. Это приобретенное чувство свободы окрыляет, заставляет меня говорить. Начинаю рассказывать:

– Мы встретились там. – Большим пальцем я указываю по направлению к бару. – То есть, на самом деле нет, но я думала, что он тот мужчина из бара, поэтому толкнула его.

Кажется, я только все запутываю, но я верю ей, этой женщине с голубыми тенями и сложной профессией. Она здесь, чтобы мне помочь.

Офицер замирает с вытянутой вперед рукой, как мим. Ее ногти длинные и острые, покрытые странным лаком, который не отражает свет фонарей. Бьюсь об заклад, что она купила ультрафиолетовую лампу и немного подрабатывает маникюром. Может быть, она одержима рисованием на ногтях и выкладывает свои работы в блог. У меня никогда так аккуратно не получается, лак попадает на кончики пальцев, и я всегда надеюсь, что он сам с них сотрется.

– Джоанна, вынуждена вас остановить. – Она продолжает держать руку вытянутой и кивает на Сэдика, точнее НеСэдика, лежащего на дорожке. Бригада скорой укладывает его на носилках, кислородная маска на его лице похожа на резиновую перчатку. Он без сознания, но больше ничего понять нельзя. Вокруг нас множество машин – скорая помощь, бригада службы спасения в зеленой с желтым машине и полиция. Все для меня. Для нас.

– Джоанна Олива, вы арестованы по подозрению в нападении, предусмотренном статьей восемнадцать Закона о преступлениях против личности 1861 года.

– Что? – Я изумлена.

– Вы имеете право хранить молчание… – продолжает полицейская.

Фраза знакомая, но я не могу понять откуда. Это не гимн, не текст песни и не пословица. Нет, это предупреждение. Все криминальные драмы, которые я когда-либо смотрела, смешались в моем мозгу, как только я осознала, что произошло. Это меня предупреждают и арестовывают, именно меня.

Можно сбежать вниз по каналу. Начинаю планировать маршрут: мимо женщины-инспектора, по дорожке вдоль канала, вверх по ступенькам. Вернуться обратно в центр Лондона, затеряться в бесчисленных аллеях, уголках и переулках. В любом из баров или хозяйственном отделе супермаркета, или телефонной будке с непрозрачными стенами, облепленными визитками проституток. Я могу убежать прямо сейчас.

Кажется, это во мне говорит алкоголь. Вот поэтому я и недолюбливаю пиво. Трясу головой, взгляд после этого становится расфокусированным, а окружающий мир – зыбким.

Женщина-полицейский продолжает говорить:

– …Однако это может навредить вашей защите, если вы не упомянете при допросе то…

Забавно, когда твоя жизнь меняется в один миг, ты все равно остаешься тем же человеком. Я, Джоанна Олива, жена Рубена Олива, думаю о том, как же ей удалось запомнить такое длинное предупреждение, и чувствовала ли она удовлетворение, когда впервые его кому-то зачитала. Но главное мое беспокойство – что обо мне подумает Рубен, будет ли он смотреть на меня по-новому. Эти мысли кажутся глупыми на фоне моего поступка – как если бы раковый больной беспокоился о потере волос, а не о своей жизни.

– …на что впоследствии собираетесь ссылаться в суде…

Кажется, ночь становится холоднее, и я прячу кисти в рукава пальто, наплевав, что они втянутся и деформируются.

– …Все, что вы скажете, может быть использовано как доказательство…

После этих слов я уже перестаю быть собой. Я провалилась через завесу в потусторонний мир. Я уже не я, не Джоанна. Больше не могу пойти домой, сесть в кровать к Рубену и поиграть в нашу ночную игру.

– Вы понимаете мои слова? – спрашивает меня женщина-полицейский.

Я киваю, потому что не знаю, что еще делать. Медики грузят НеСэдика в машину скорой помощи и закрывают двери с мягким щелчком, отзывающимся в ночи.

– Вы поедете в участок, – говорит она, и это не вопрос.

– Конечно, – отвечаю только для того, чтобы задобрить ее, но моментально отвлекаюсь на блеск ее обручального кольца.

Мы с Рубеном не выбирали кольца, муж думал, что они все стандартные, чем очень меня насмешил. Лора была под впечатлением от необычности нашей свадьбы.

Затем женщина-полицейский меня обыскала, совсем как в аэропорту.

– Есть ли у вас что-то представляющее опасность для вас или для окружающих?

– Нет.

Офицер пытается взять меня под локоть, но я иду сама, как хорошо тренированная собака по команде «рядом», и сажусь на заднее сиденье машины. Ручка двери скользкая от дождя.

Женщина садится на заднее сиденье рядом со мной, и я не осмеливаюсь достать мобильный телефон, хотя очень хочу. Уверена, Рубен волнуется.

Закрываю глаза и претворяюсь, будто я в такси и болтливый водитель говорит со мной. Еще одна женщина в форме садится на водительское место, но машина глохнет прежде, чем тронуться. Интересно, у нее было столько же попыток сдать экзамен по вождению, сколько и у меня?

Моя коричневая кожаная сумка лежит в ногах, я могу достать ее, но не уверена, что это можно сделать.

– В какой участок мы едем? – спрашиваю и жду несколько секунд прежде, чем поднять глаза на своих сопровождающих.

Они не отвечают, мы просто едем в тишине, пока вокруг сгущается ночь.

С каждым километром нашей поездки я все меньше и меньше чувствую себя человеком.

Дорога занимает всего десять минут. Машина, дернувшись, останавливается. Я пытаюсь открыть дверь, но она заблокирована. Офицер выходит и распахивает дверь с моей стороны, будто мы на вручении Британской театральной премии. Она не смотрит на меня, просто отходит в сторону, как лакей. Я оглядываю здание, полицейский участок Паддингтон Грин. Никогда здесь не была, никогда не была в районе Маленькая Венеция до сегодняшней ночи. Но теперь эти места стали важными в моей жизни.

Я выхожу из машины, участок больше похож на больницу: широкий, плоский и увенчанный похожей на нарост башней. Мой взгляд скользит по фасаду. Что внутри – кабинеты или камеры?

Мы проходим во двор через служебный вход. Слышно, как за нами закрываются ворота.

– Нам туда, – говорит женщина-полицейский.

У нее нет бейджа с именем, и она не пользуется рацией. Она идет рядом со мной наготове, если я вдруг захочу сбежать. Я смотрю вверх, на небо, прежде чем войти внутрь. Мысленно я пытаюсь послать сообщение Рубену. Он лучше кого бы то ни было знает, о чем я думаю. «Рубен, – обращаюсь я к низко висящей оранжевой луне, – я попала в беду».

Лицо обдает прохладный воздух. Мои каблуки отбивают дробь по гудронному покрытию. Представить не могу, что я все еще ношу эти туфли, на что я сейчас вообще похожа?

Женщина открывает боковую дверь, и я сразу ощущаю какой-то знакомый запах и испытываю приступ ностальгии, когда понимаю, что так пахло в доме престарелых, где жила бабушка, мама моей мамы. Запах мочи, смешанный с подгоревшим рагу и пельменями; потный, прелый, навязчивый запах.

Мы заходим в ярко освещенную комнату, выдержанную в оттенках синего: стулья цвета морской волны, стол сине-зеленый, а стены небесно-голубые. Прохожу через рамку, как в аэропорту, рядом с которой стоит мужчина. Он смуглый, может быть, итальянец или испанец; в его прищуренных глазах есть что-то кошачье. Он улыбается мне, что удивляет, и я замечаю его заостренные зубы.

Рамка издает три громких гудка.

– Снимите пальто. Почему она все еще в нем? – Человек, сидящий за столом, явно коренной лондонец, обращается к женщине, которая привела меня.

– И ваш браслет, – это мужчина говорит уже мне.

Я глажу свой свадебный браслет, невнятно поясняя:

– Он не снимается.

– Нужно снять.

Молча показываю ему браслет, на котором мерцают блики от ламп.

– А, он на болтиках, – говорит он сам себе. – Рисково.

Он уходит куда-то дальше по коридору, и возвращается с отверткой, а потом один за другим откручивает крохотные болты, про существование которых я даже и не знала. Впервые за долгое время я остаюсь без браслета, без него моя рука как будто голая.

Женщина кладет мою сумочку на высокий стол, за которым сидит ее коллега. Мой взгляд прикован к боковому кармашку, в который, как я видела, убрали мой телефон. Он на месте – засунут между блокнотом, квитанциями и упаковками жвачки.

В небольшой комнатке позади стола, стоит маркерная доска, разделенная на ячейки с указанием времени. Полицейский заносит и мое имя, прочитав его в каких-то бумагах. На нем форменная белая рубашка с погонами и черный

галстук с рельефным узором.

За доской есть что-то еще, и я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть. Три маленьких телевизора подвешены к потолку на прочных кронштейнах. Полагаю, некоторые здешние посетители могли попытаться их украсть. У меня в груди появляется чувство опустошения, возможно, это страх. Телевизоры – это часть системы видеонаблюдения: на экране, в маленьких серо-зеленых квадратах, двигаются крошечные люди, похожие на голограммы. Закрываю глаза, чтобы этого не видеть.

– Пройдите еще раз, – говорит мужчина, держа в руках мое пальто.

Снова прохожу через рамку, и она не издает ни звука. И сразу же рядом со мной появляется еще одна женщина. Блондинка, лет сорока, с отросшими корнями мышиного оттенка. На веках подводка кирпичного цвета, осыпавшаяся под глаза.

– Я сержант по надзору за арестованными, – представляется она.

На часах полночь. Рубен будет в ярости: сначала странный телефонный звонок, а потом тишина. Я не вспоминала о нем с того момента, как вызвала полицию. И почему я не позвонила ему еще раз – до того, как стало слишком поздно?

– Я сержант Моррис. У вас есть право на адвоката.

– Понятно. – А есть ли у меня знакомые адвокаты? Вспоминаю всех своих друзей, которых, как говорит Рубен, у меня множество. Но среди них точно ни одного адвоката.

– Вы имеете право известить кого-нибудь о своем задержании, – она продолжает говорить как робот. – У вас есть право ознакомиться с кодексом. Есть какие-нибудь вопросы?

– Прошу прощения, как мне получить адвоката?

– Мы можем связаться с дежурным защитником или вы можете позвонить кому-то еще, до тех пор, пока это не мешает нашему расследованию.

Мозг лихорадочно работает.

– У меня есть право на один звонок?

– Да.

Сомнений кому позвонить не возникло – мне нужен только он.

В углу комнаты для задержаний – у всех на виду – стоит старомодный телефон: черная, тяжелая телефонная трубка с проводом, похожим на серебряную змею. Присесть негде. Трое полицейских неподалеку пьют чай из бумажных стаканчиков.

Я набираю номер Рубена и слушаю, как дребезжит жестяной диск. Обычно он не отвечает на звонки с незнакомых номеров; ему, в отличие от меня, не интересно, кто звонит. Но я надеюсь, что он возьмет трубку – я так хочу услышать его голос.

Рубен отвечает незамедлительно, что для него нехарактерно. Он наверняка сильно обеспокоен.

– Это я.

– С тобой все в порядке?

– Тут произошел… Я не знаю, как это назвать. Несчастный случай, наверное.

– Так ты в порядке?

– Я – да. – Оглядываюсь через плечо и вижу, что комната полна полицейских. Я не могу объяснять все при них, не здесь. – В общем, мне нужен адвокат.

С равным успехом я могла бы сказать, что улетела в другую страну или родила ребенка. Потрясенное молчание давит даже по телефону.

– Адвокат? – наконец переспрашивает Рубен. Слышу какой-то слабый скрип, наверное, он почесывает щетину на подбородке. – Ты где?

– В полицейском участке, – говорю тихим голосом, хотя здесь мне некого стыдиться.

– Где именно? – повторяет вопрос Рубен, и в его тоне я слышу ноты недоверия и непонимания. Это почти забавно.

А потом я слышу что-то в его тоне. Что-то похожее на осуждение. Оно не в словах, а во вздохах и паузах…

– Что… – Рубен запинается, а затем шумно выдыхает.

Я шокировала своего спокойного, уравновешенного мужа. – Джо, что случилось?

– Я столкнула того мужчину, – говорю я, не задумываясь.

– Преследовавшего тебя?

Я закрываю глаза и вру.

– Да. – Это слишком сложно, чтобы объяснить прямо сейчас, я расскажу ему позже. – Он…пострадал.

– Ладно, – говорит муж, – я приеду.

Сейчас мне нравится его краткость.

– Я в полицейском участке Паддингтон Грин.

– Знаю, где это, – мягко отвечает Рубен. Конечно, знает, его клиенты часто здесь бывают. – Среди моих знакомых нет адвокатов, так что попроси общественного защитника.

– Хорошо. – Я так увлеклась нашим разговором, что аж подпрыгнула, когда сержант Моррис появилась рядом со мной. – Мне пора идти.

– Мы… мы сегодня поиграем? – спрашивает муж.

– Начинай, – говорю я и улыбаюсь, сдерживая слезы благодарности, которые наворачиваются на мои глаза.

– Твои… – Должно быть, он сильно задумался, потому что я слышу, как он сглатывает.

Мы придумали эту игру спустя два месяца после начала наших отношений, Рубен сначала играл неохотно, а теперь начинает первый, как ребенок, который ждет не дождется, чтобы рассказать, как прошел его день. Мы сейчас на цифре 2 589. Больше двух с половиной тысяч вещей, которые мы любим друг в друге. Мы не пропустили ни одного дня.

– Прядь волос на твоем виске, которая всегда выпадает из прически, – говорит он.

– То, как ты незамедлительно сортируешь всю входящую почту.

– Ты точно говорила это раньше.

– Не-а.

– Завтра будет 2590, – говорит он.

Я первая вешаю трубку.

– Проходите. – сержант Моррис машет рукой куда-то в сторону.

– Куда?

Она указывает на комнату рядом с туалетом. Я захожу внутрь. В комнате меня ждет эксперт-криминалист.

Дальнейшее происходило как в тумане: снятие отпечатков пальцев, сбор образца ДНК с внутренней стороны щеки твердым и сухим скребком, проверка алкотестером, взятие образца крови и фотоснимок – совсем как в фильмах.

Криминалист взял соскоб даже из-под ногтей, хотя я сказала, что была в перчатках.

– Разувайтесь, – говорит он после завершения всех процедур.

– Снять обувь? – Вопрос совершенно глупый.

– Да.

Снимаю шелковые туфли и отдаю их.

Он копается в стоящей рядом корзине и вытаскивает одеяло, пару серых штанов, футболку и черные парусиновые туфли на резиновой подошве.

– Нам также понадобится ваша одежда.

– Моя одежда?

– Для экспертизы.

– Понятно…

Я переодеваюсь в серую тюремную одежду, и меня возвращают в комнату для задержанных, обратно к сержанту Моррис.

– Вы хотите ознакомиться с правилами поведения?

– Нет. – Мой ответ звучит довольно-таки безучастно.

– Хорошо. – Сержант говорит это голосом уставшей матери, которая после долгих уговоров позволила ребенку потратить на конфеты все подаренные на день рождения деньги.

Может, я должна была прочитать эти правила? Сержант Моррис ведет меня дальше по коридору. Виниловое покрытие серого цвета скрипит под ее ботинками.

Не знаю, куда мы идем, но и не спрашиваю. Просто думаю о том, что мой телефон лежит в пластиковом пакете где-то в шкафу, печально жужжа. Если я остаюсь без него больше, чем на час, то меня ждут сотни смс, твитов, сообщений в «Ватсапе», «Снэпчате» и электронных писем. Рубена раздражает постоянный звук уведомлений, и он говорит, что ежедневно я общаюсь буквально со всеми знакомыми.

Чем дальше, тем мрачнее становятся помещения. Мы проходим еще по двум коридорам, через окрашенные в синий цвет тяжелые двери – именно таким ребенок может нарисовать полицейский участок или тюрьму. Сержант придерживает каждую дверь, но не из вежливости, а для того, чтобы убедиться, что я прошла и дверь закрыта у нас за спиной.

Мы поворачиваем за угол и оказываемся в женском отделении. Оно именно такое, как я себе представляла: бесконечные ряды камер. Мои глаза устремляются вверх, словно я смотрю на салют в небе – там еще этаж камер. И везде тюремные решетки. Я чувствую, как начинает кружится голова. Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж и идем по коридору.

Останавливаемся перед дверью с номером тринадцать, на табличке написано: Д. Олива.

Кого-то рвет: стон, утробный звук, а затем всплеск. Тут будто прорывает плотину, и я начинаю слышать каждый звук: вздохи, женские крики, как в ночном клубе пред закрытием, когда на алкоголь дают скидку. Обхватываю себя руками и пытаюсь представить, что это руки Рубена.

Глубоко вдыхаю, пытаясь успокоиться, но это только усиливает запахи этого места: моча, старая прокисшая еда, рвота и паршивый алкоголь.

– Заходи, – говорит сопровождающая. – Время 00:06. – Она делает пометку в журнале.

– Внутрь?

Она открывает дверь. Я не думала о том, куда меня ведут. Не успела подумать… ведь не было никаких наручников, никто не заталкивал меня на заднее сиденье

машины, пригнув мою голову. Я никогда не могла представить, что окажусь здесь, для меня это стало полной неожиданностью.

На полу лежит синий матрас, хотя это громко сказано, – скорее коврик для йоги. Рядом еще один, поменьше, полагаю, это подушка. Окон нет, только маленькое отверстие в стене под самым потолком. На потолке нарисована большая черная стрелка, указывающая налево. Должно быть, я долго пялюсь на нее, потому что сержант поясняет:

– Она указывает на Мекку.

Сержант Моррис передает мне одеяло, сильно пахнущее мочой. От него запах гораздо сильнее, чем снаружи.

Слева металлический унитаз без крышки, как в поезде или самолете. Помню, как мы с Рубеном летали в Берлин, и я пыталась сходить в туалет во время турбулентности. Воняет одновременно и химическим чистящим средством и всей грязью, которая смывалась в туалет. Нет ни ершика, ни кнопки слива. Пока я разглядываю все это, сержант Моррис уходит. Дверь лязгает, и я сначала подпрыгиваю от неожиданности, а затем начинаю дрожать по мере того, как мозг начинает осознавать сложившуюся ситуацию.

Это камера… Камера… Моя камера!

Глава 5

Молчание

Я так и не сказала Рубену. Не сказала!

Смотрю, как он помешивает кашу на плите.

Муж всегда отвечает за еду, а я за стирку. Два года назад мы договорились разделить обязанности, чтобы избежать ссор. Думаю, не стоит говорить, что

посуда всегда аккуратно расставлена, в посудомойке никогда не залеживаются грязные тарелки, тогда как корзина для грязного белья обычно переполнена.

Рука начинает болеть сильнее и с трудом шевелится. А утром вообще была в странном онемевшем состоянии.

Рубен накладывает кашу. Кухня и гостиная объединены – по сути это квартира-студия, хотя у нас две спальни. Нам здесь нравится, и не важно, что мы слышим, как соседка сверху возвращается домой в три часа ночи, цокая шпильками. Нам нравится мрачность Лондона, душный воздух. А горячий запах городской пыли в метро говорит мне, что я вернулась домой после отпуска. Нравится даже то, что летом мои ноги в шлепанцах чернеют от смога. И даже как выглядят люди в ярком, резком освещении метро после бурной вечеринки: женщины с бледной кожей и смазанным макияжем. В ночном автобусе мы как-то видели мужчину со змеей на плече, и никто на него не пялился. Нравится, что каждая вещь имеет свою цену и что всюду теснота. Наши родители не понимают этого – родители Рубена в особенности – и все спрашивают, почему мы не продадим квартиру и не переедем. «Есть и другие способы экономии», – твердит отец Рубена.

Напротив плиты висит фото с нашей свадьбы, фотограф снимал только репортаж, никакой постановки. «Я не хочу, чтобы мы выглядели излишне претенциозно искусственными улыбочками», – сказал Рубен вскоре после того, как сделал мне предложение. В итоге, свадьба была довольно скромной и не стала самым лучшим днем в нашей жизни. Мы были в полном недоумении от всего, что случилось после его анти-предложения, начинавшегося со слов: «Не хочу относиться к тебе свысока…» Быстра торжественная регистрация – я надела платье до колен, а после был праздничный ужин. Рубен выпил слишком много красного вина и не убирал руку с моего колена, так и ел пиццу одной рукой. А потом, когда он курил во дворике – раньше он курил, – произошло то, что я никогда не забуду.

«Мы сделали это», – сказала я.

Он энергично кивнул, его щеки втянулись, когда он затянулся.

«Мы сделали так, как хотели», – сказал он, точно выразив мое состояние.

Эта простая радость для нас – жить своей жизнью. И к черту всех остальных.

В тот момент мы стояли под одним зонтом, держась за руки. На мне были красные туфли, и я чувствовала себя счастливее, чем это вообще возможно.

Я смотрю на фотографию: она такая искренняя. Мы стоим друг напротив друга, я радостно смеюсь, а Рубен смотрит вверх, на его лице легкая улыбка.

Как я могу ему рассказать? Ведь он больше не будет так на меня смотреть, с этой легкой понимающей улыбкой. Я одна из немногих людей, которые ему нравятся.

Уже четыре часа дня. К этому времени я дважды сбегала в ванную, чтобы позвонить в экстренную службу, набирала номер, но останавливалась в последний момент. Запястье все еще пульсирует, хотя выглядит как всегда – никаких синяков, но рука слабая и безвольная. Посмотрю, станет ли лучше. Как только разберусь с произошедшим – сразу же пойду к врачу.

Говорю мужу, что пойду прогуляться. Чувствую себя не очень – почти ничего ела, но все равно собираюсь на улицу. Рубен смотрит на сумерки за окном и ничего не отвечает. Я осматриваюсь по сторонам, прежде чем пройти несколько ступенек от двери до тротуара, как будто полиция может поджидать меня, не утруждая себя стуком в дверь.

Свежий воздух холодит легкие. Я надеялась, что на улице успокоться будет легче, чем в нашей теплой квартире, но нет, не помогло. Желудок урчит, на плечи навалилась тяжесть. Во время этой прогулки в одиночестве пугает все: отдаленный вой сирен, слишком яркий свет уличных фонарей. Полагаю, моя жизнь в страхе только начинается. Я не чувствую себя счастливой ни на улице, ни дома – остается замкнуться в себе.

Когда я возвращаюсь домой, Рубен играет на пианино в дальней комнате. Он занимается музыкой, только когда меня нет. Замираю на секунду, затем захлопываю за собой дверь. Как я и думала, мелодия обрывается. Рубен стесняется своего таланта, ему кажется, что это слишком экстравагантно.

Муж появляется в дверях комнаты. Мне нравится близость, которую обеспечивает наша квартира, я могу позвать Рубена отовсюду и разговаривать с

ним, пока я в ванной, а он готовит на кухне.

– Пункт две тысячи восемьсот восемьдесят девять, – говорит он, стоя в дверях. – Твои милые раскрасневшиеся щечки, когда ты возвращаешься после прогулки.

Список того, что мне нравится в Рубене, бесконечный. Люблю его смущение по поводу прекрасной, артистической и вдохновленной игры на пианино. Как он переходит границы со своими подопечными, когда приводит их домой, берет с собой в поездки, чего делать не обязан – насколько сильно он любит этих неблагополучных детей. И как он однажды сказал моему брату Уилфу, что тот разговаривает со мной слишком заносчиво.

Я должна ответить, назвать, что люблю в нем, или пересечь комнату и поблагодарить его, обняв. Например, сказать, насколько счастлива слышать звук игры на пианино, когда прихожу домой.

Но не могу. Потому, что если сделаю это, то расскажу ему все. Я знаю, что так и будет. Или хуже – он сам узнает, увидит черноту внутри меня, догадается и сдаст полиции.

Рубен смотрит на меня выжидающе, а я избегаю его взгляда, уставившись в пол.

Но чего мой муж точно не ожидает, так это моего молчания. И все становится еще хуже, когда он понимает, что я не собираюсь отвечать. Его взгляд меняется. Ему стыдно, что и я заметила его расстройство, поэтому он отворачивается, бестолково возится с растениями на подоконнике, поливает их, не глядя на меня.

Мне кажется, что журчание воды – это единственный звук во всем Лондоне.

Обычно по вечерам мы по очереди варим кофе. Сегодня его черед, но я тоже иду на кухню, не желая оставаться в одиночестве.

Я решила, что можно потянуть денек, но сейчас как раз подходящее время. Момент настал.

– Я еще не рассказывал тебе о мальчишке из Брикстона? – спрашивает Рубен, глядя на меня и аккуратно засыпая молотый кофе в турку.

– Кажется нет…

– Ну помнишь парня, который вырвался из сетей банды на прошлое Рождество и начал вести себя прилично?

– А, да. – Мой голос звучит безжизненно.

– Ну так он связался с другими парнями и теперь поджигает машины. – Рубен прислоняется к кухонной стойке. – И я не понимаю почему, ведь раньше все шло так хорошо.

Рубена такие вещи часто сбивают с толку. Думаю, что это из-за его непоколебимой веры: если ты избавишь мальчика от проблем, то он будет хорошо себя вести. Очень логично, но неправда.

– Ты помнишь себя подростком? – говорю я со смешком, благодарная за возможность убежать от собственных мыслей, даже если это больше похоже на карабканье вверх по веревке, без страховки, обдирая кожу с рук.

– Я был… Очень скучным, – сказал он, слегка улыбнувшись.

В этот момент я хочу, чтобы другие могли видеть Рубена именно таким, чтобы он им это позволил.

– У тебя было больше поводов для злости, чем у других людей.

– Усыновление едва ли стало моей личной трагедией.

Не могу сдержать улыбки.

– Твое благословение – настолько здравый рассудок, – говорю я и тянусь к его руке.

Муж немедленно притягивает меня к себе, но я отступаю. Он опирается на кухонную стойку и задумчиво смотрит на меня. Кофе на плите начинает кипеть, но за секунду до этого Рубен успел выключить газ.

– Не хочу, чтобы кофе сбежал, – говорит он, многозначительно глядя на меня.

– Он все равно не был счастлив, – говорю я. – Даже если тот парень покончил с бандитским прошлым и общается с правильными людьми… он не был счастлив.

– Почему?

Я пожимаю плечами:

– Некоторые из нас постоянно все портят. Мы сами портим себе жизнь и не знаем почему.

Он достает молоко из холодильника.

– Ты же мой домашний психолог, – говорит он, неуверенно протягивая руку, но я отодвигаюсь.

Рубен иногда меня так поддразнивает – психологом. Это одно из моих прозвищ.

Он смотрит на меня, и в глазах читается вопрос.

– Ты в порядке? Голос какой-то грустный. Ты же ничего не испортила.

– В порядке, – говорю хрипло.

– Ты странно держишь руку. Ушиблась?

Вот действительно подходящий момент, а то я все откладываю и откладываю. Сейчас уже нет оправданий. Все сроки уже вышли, а ничего не сделано – реальность моей жизни.

Рубен садится за барную стойку, которая отделяет кухню от гостиной, поворачивается к телевизору, пьет кофе и включает новости на «Би-Би-Си». Он всегда так делает, хотя новости его и раздражают.

Я открываю рот и думаю, что будет просто, это всего лишь слова.

Рот остается открытым, как будто я жду чего-то. Жду, когда почувствую себя готовой, когда буду уверенной. Я никогда ни в чем не уверена, легче ничего не делать. Смотрю в окно на дворик Эдит, а потом опять на Рубена. И на экран телевизора. Диктор читает один за другим анонсы новостей:

Депутат от Суррея замешан в скандале с растратой

Врач, случайно оказавшийся рядом, помог родиться ребенку в магазине одежды в центре Лондона

Как Лондон справляется с проблемой растущего миграционного кризиса?

Поворачиваюсь к Рубену, и тут слышу последний заголовок. Я как будто ждала его, предчувствовала.

Нападение у канала в Лондоне

Я заранее знаю, что сейчас скажут. Знаю из-за какого-то предчувствия. Непроизвольно хватаюсь за стойку, впиваясь в нее ногтями.

Новости продолжаются, возвращаясь к подробностям первой истории. Какой-то политик мошенничает с деньгами, но мне это абсолютно безразлично.

«Нападение у канала в Лондоне». Повторяю про себя снова и снова.

Тело пронзают судороги, будто схватки при родах. Сначала сжимает сердце, потом ощущение спускается в руки и ноги. На вопрос Рубена про руку я не отвечаю.

Он смотрит новости.

– Нами управляют коррумпированные люди, и никого это не волнует. И как я должен учить детей не врать и не обманывать, когда это делают люди, управляющие страной? Насколько сложно дойти до простой мысли вроде: «Я теперь депутат, и мне не стоит мухлевать с деньгами»?

Это одна из немногих тем, на которые он высказывается, даже на вечеринках, в то время как другие гости неловко смотрят в свои стаканы. Когда Лора с ним познакомилась, она понимающе посмотрела на меня и сказала: «Нет ничего более сексуального, чем социалист».

В таких ситуациях я думаю: «Я рада, что мой муж моралист и бескомпромиссный человек, который на практике применяет то, о чем говорит, и не находит в этом ничего странного». Как-то он с уверенностью заявил, что женщины никогда не лгут о том, что их изнасиловали. Тогда все присутствовавшие в комнате замолчали.

Сейчас я не думаю вообще ни о чем, просто не могу. Мне очень жарко, и я паникую. Мне кажется, будто события той ночи написаны у меня на лице, что мои мысли материализуются прямо здесь, в нашей гостиной. Поворачиваюсь к телевизору и в напряжении смотрю.

– Вранье, – продолжает Рубен. – Никто не называет вещи своими именами. Это не скандал, связанный с расходами. Это – вранье.

Я поднимаю глаза к потолку в поисках знака от вселенной. Стоит ли мне молчать, потому что я уже солгала? Или признаться, чтоб этой лжи не стало еще больше?

Продолжаю молча сидеть на диване, пытаясь сдержать нервную дрожь. Может быть, новость и не про Сэдика, а про кого-то еще. Может, кого-то пырнули ножом или застрелили, это же Лондон. Ну и что, что рядом с каналом, в Лондоне множество каналов. Может, это произошло в другом районе, – не в Венеции, а в

Бирмингеме? Я ничего точно не знаю. Боже, а что же мне делать, если я совершила преступление?

Нападение. Звучит дерзко. Они ничего не знают о произошедшем. Он преследовал женщину, она была напугана и спасалась бегством.

– Я имею в виду, – продолжает Рубен, размахивая чашкой. Кофе выплескивается на деревянный пол, просачиваясь сквозь доски. – Твою мать. – Он немедленно ставит кружку на стол и идет за тряпкой. – Я всегда знал, что власти воруют.

Ведущий переключается на новость о рождении ребенка: интервью с людьми, которые видели, как у женщины отошли воды в магазине. «Не знаю, зачем она пошла за покупками», – со смешком говорит один из очевидцев.

Я наблюдаю, как Рубен вытирает пятно от кофе, но все мои мысли заняты телевизором и последней новостью.

– Не понимаю, с чего они включили эту ерунду в выпуск новостей, – говорит Рубен, беря пульта от телевизора. – И что с того, что она пошла по магазинам?

Собираюсь остановить его, но убеждаю себя, что не могу этого сделать. Нет, могу, я просто обязана сказать ему.

– Не выключай, – я стараюсь говорить своим обычным голосом. Расскажу ему, как дойдет до этой новости. У меня есть максимум две минуты.

– Не могу смотреть эту чушь. – Он игнорирует мою просьбу и переключает на кулинарный канал.

Рубен делает так каждый день: включает новости, раздражается и выключает. На мои предпочтения он не всегда обращает внимание.

В телевизоре мужчина готовится освежевать кролика.

– Фу, – говорю я невольно и тянусь рукой до пульта с целью переключить обратно. Происходящее на экране – идеальный предлог, чтобы вернуться к новостям. Но тут меня пронзает страшная мысль: а что, если они знают?

Может, репортаж не в самом начале выпуска не потому, что в нем никаких подробностей, а именно потому, что они есть. Скоро появится мое зернистое фото с камер наружного наблюдения или фоторобот. У меня действительно осталось две минуты, две минуты здесь, с этим человеком, во времени «До».

Я проклинаю себя за то, что провела всю свою сознательную жизнь, таращась в ноутбук или телефон, ни на что не обращая внимание. Мечтала, думала о карьере, сочиняла биографии людям – вместо того, чтобы внимательно смотреть, слушать и учиться. И если об этом происшествии сообщают по телевизору, значит, они точно знают, что произошло? Или нет?

В телевизоре все говорят и говорят о миграционном кризисе в Кале. Я застыла на диване. Ощущение, будто сижу на холодной скамейке на улице, а не в теплой гостиной со своим мужем.

И вот время новости обо мне. Нет, не обо мне.

«Ранним утром субботы у канала в Маленькой Венеции был обнаружен мужчина».

Меня как будто погрузили в чан с кислотой, которая разъедает мое тело. Не могу поверить в то, что это все случилось, просто не могу. Что это произошло с моей жизнью. Что же я натворила?!

«Наш корреспондент Кэролин Харрис находится на месте происшествия».

В кадре лицо крупным планом.

«Я стою на месте странного нападения», – говорит репортер, и ее голос обрывается.

Камера слегка сдвигается, и я снова чувствую, как внутри все сжимается. Просто не думай об этом, Джоанна, не обращай внимания.

Но я не могу игнорировать происходящее на экране.

«Семнадцатилетний молодой человек был обнаружен на берегу канала в шесть утра мужчиной, выгуливающим собак».

Вздыхаю с облегчением: это не про меня. Семнадцать? Сэдику было не семнадцать.

Камера отъезжает. Корреспондент стоит ровно на том же месте, где была я восемнадцатью часами ранее. Те же ступеньки, только сухие. Погода ясная, небо темно-синее. Изо рта репортера вырывается пар, как и у меня тогда. Ветер треплет полицейскую ленту ограждения. Внутри огороженной зоны стоит желто-белый навес. Что, черт возьми, происходит? Я зачарованно смотрю в телевизор.

– Боже, – говорит Рубен. – А что, если это тот самый псих? – У мужа фантастическая память на детали, и сейчас я проклинаю ее.

– Какой псих? – переспрашиваю, надеясь сбить его со следа, притвориться, что мы с тем психом были где-то в другом месте.

– Тот, который тебя преследовал!

Рубен смотрит на меня с выражением недоверия, даже какой-то насмешки, на лице.

– Ты сейчас выглядишь безумно, – говорит он в своей обычной прямолинейной манере.

Я быстро киваю, глядя в телевизор, – не могу говорить, все мои умственные способности направлены на репортаж.

Женщина продолжает говорить. Желто-белый навес – для чего он? – колышется на ветру.

Хмурюсь. Его нашли только в шесть утра? Может, он был пьянее, чем я думала?

«Обнаружен». Мои шея и плечи покрываются гусиной кожей. Нет, пожалуйста, нет!

– Таких всегда находят те, кто выгуливает собак, – замечает Рубен. – Какой-то подонок оставил там лежать парня с травмами.

Какой-то подонок – это я.

Муж встает и идет в кухню с пустой чашкой из-под кофе в руке, споласкивает ее прежде, чем поставить в посудомоечную машину.

«В шесть утра молодого человека доставили в больницу, но реанимировать его не удалось. Полиция квалифицирует его смерть как убийство».

Прежде, чем осознать, что происходит, я соскальзываю с дивана и оказываюсь на полу лицом в ковер. Рука снова больно подвернулась, но мне все равно. Я не плачу, это нечто другое… Повадки дикого зверя. Я раскачиваюсь взад-вперед; рот раскрыт, но оттуда не вырывается ни звука. Меня захлестывает сожаление. Мне безразлично, что рядом находится Рубен – повернувшись ко мне спиной, он загружает посудомойку. В любом случае я должна все ему рассказать. Он такой хороший и так добр ко мне.

Умер. Умер в больнице.

Убит. Убийство.

Вот так просто оборвалась жизнь. У парня были мысли, надежды, планы на будущее, мнение о музыке, книгах и, может, даже о рынке недвижимости. Но теперь все – двигатель остановился.

Рубен живет с убийцей. Если я расскажу ему, он поведет меня прямиком в полицейский участок. Попросить его не делать этого – равнозначно тому, чтобы попросить писать другой рукой, проголосовать за консерваторов, ограбить банк или отшлепать ребенка.

И эта чертова работа на депутата, как он сможет продолжать ее, живя с преступницей? Поднимаюсь с ковра и усаживаюсь обратно на диван. На мои вопросы нет ответов.

Но дело даже не в работе, а в том, что, оставшись один, – никогда не при мне, чтобы не расстраивать, – он будет удивляться, как я могла так поступить. Он любит меня, со всей моей безрассудностью, бардаком, неорганизованностью, фиговой работой. Но случившееся заставит его задуматься. Он никогда не скажет мне об этом знать, но я-то буду знать. Это как в гостинице, не поймешь, что в номере убирались, – заново сложили полотенца, поправили туалетную бумагу, – если не приглядываться.

Рубен стоит ко мне спиной в кухне, а потом поворачивается и смотрит задумчиво.

– В том же месте, но всего лишь… – говорит он. – Представь, что его могла найти ты, если бы шла несколькими часами позже?

Меня захлестывает паника, такая же, как в Маленькой Венеции: сердце стучит, кулаки непроизвольно сжимаются, холодный пот покрывает спину и плечи. Я бы не удивилась, что моя кровь стала черной и замороженной или что внутри меня полно тараканов, или что мои органы сдавила наковальня.

Как я могу сказать ему сейчас, когда это стало убийством? Это разрушит его, а я стану худшим человеком, которого он знает, – врагом.

На задворках моей памяти, в тайнике, среди архивов и далеких, не до конца сформировавшихся воспоминаний, появляется что-то еще. Семнадцать. Сэдику было не семнадцать. Так что… Возможно, это был не Сэдик.

Я не могу позволить себе думать о том, что это был не он. Меня преследовали, поэтому я его толкнула.

Я не могла ошибиться. Ошибка разрушит меня.

Я засыпаю на диване: время не позднее, но мой мозг слишком вымотан. Такое случалось и раньше, например, в университете я все время засыпала в неподходящее время. Выключиться и игнорировать – было моей естественной реакцией.

Спала крепко, но снился мне Сэдик.

Меня разбудил Рубен. У него в руках очередная чашка: он постоянно пьет кофе, но не сказать, что это как-то на него влияет. Он уходит из гостиной, возможно, в свою комнату с пианино, делать заметки по работе. Уходя, он замечает:

– Даже не подозревал, что ты болтаешь во сне.

– Что?

Он смеется себе под нос, проходя через холл, и говорит:

– Ты несла абсолютную чушь.

Не могу выспрашивать его, не могу давить на него. Но что, если я сказала что-то разоблачающее? Притягиваю колени к груди и молюсь, чтоб это было не так.

Я продолжаю смотреть канал с новостями, хотя репортаж о моей истории больше не повторяют. Слышу, как два раза мимо проносятся машины с сиренами, и оба раза подпрыгиваю, покрываясь потом. Оказывается, в Лондоне так много транспорта с сиренами!

Никогда в жизни не делала ничего самостоятельно: спрашивала у всех окружающих мнения по поводу стрижки и где в Лондоне можно снять жилье. С помощью «Фейсбука» и «Твиттера» я передавала другим людям право решать за меня. А сейчас я одна.

Я почти допила кофе, когда Рубен вернулся.

– Ты извинялась во сне, – говорит он так, будто наш разговор не заканчивался.

– За что?

– Понятия не имею. – Взгляд у него удивленный. Должно быть, я выгляжу виноватой. – Ты просто снова и снова продолжала твердить «прости».

Мне бы рассмеяться, но я не могу. Я думаю только о том, что мне и правда очень жаль.

Я извинялась за то, что убила человека.

Рубен смотрит на меня недоуменно и хмурится.

– Это странно, – бормочу я.

– Да, непохоже на тебя.

Нет. Никто не должен знать, даже Рубен. Особенно он.

Глава 6

Признание

Мне кажется, что я была одна всего минут пятнадцать. Мне дали чашку с чаем, по вкусу напоминающим сигареты.

Интересно, что делают другие люди в камерах? Я представляю их спящими в разных позах, как на экранах видеонаблюдения в комнате для арестов. Смотрю наверх, на грязный потолок – как его можно было забрызгать чем-то коричневым? И тут я замечаю камеру видеонаблюдения, белую, похожую на робота, направленную на меня. Я тоже на одном из тех экранов, за мной наблюдают.

Окно в двери открывается, и я подпрыгиваю от неожиданности.

– Полагаю, вы успели поужинать? – спросил мужчина, и я отрицательно покачала головой.

– Мы собирались поесть позже.

«Кебаб;)», вот что написала мне Лора, когда мы планировали наш загул.

– Но вы пили?

Я не успеваю ответить – мужчина фыркает и закрывает окно, как будто я животное в загоне.

Через несколько минут он появляется снова. Мое тело начинает дрожать, и мне хочется объяснить ему, что это был несчастный случай. Окошко открывается.

– Дежурная еда, – поясняет мужчина и подталкивает ко мне белый пластиковый поднос.

Не успей я подойти, еда бы упала на пол. Тарелка дымится и обжигает руки. Мне приходится отнести поднос на матрас, потому что стола в камере нет.

Мужчина снова уходит, а я вспоминаю, как несколько недель назад пыталась сделать оладьи из сладкой кукурузы. Рубен сказал, что они получились похожими на куриные лапы.

Даже сквозь тяжелую дверь я слышу, как кто-то говорит: «Здесь у нас, скорее всего, раздел восемнадцать. Хуже, если…».

Раздел восемнадцать? Интересно, что это значит. Может, полицейские говорят про ту, что была ошибочно задержана, и кого отпустят, как только прибудет адвокат.

Предположения заставляют меня нервничать, и я автоматически тянусь за мобильником, которого у меня больше нет, которым я не могу больше свободно пользоваться. Уже много лет такого не было, чтобы мне было нечего делать. Невозможно даже представить, как это – обедать без какого-нибудь гаджета.

Здесь нет ни часов, ни окна, поэтому я ем, оглядывая комнату – камеру, в которой оказалась: круглая флуоресцентная лампа с дохлыми мухами внутри плафона; черная стрелка, нарисованная аккуратно, возможно, с помощью трафарета.

Еда ужасная, такое ощущение, что кто-то смешал все ингредиенты до единой массы, а затем подогрел. В яйцах и хлебе попадаются кусочки бекона. В середине еда холодная. А сами яйца как желе.

Я доела, и на этом все мои дела закончены. От безделия и отсутствия мыслей в голове, я протягиваю руку и провожу пальцем по синей стене. Она оказывается холодной, дешевая краска отваливается под кончиками пальцев.

Еда застревает у меня в горле, когда я начинаю плакать. Вообще-то эти слезы из-за множества причин: из-за невезения; из-за того, где я оказалась в свои тридцать лет; но по большей части из-за Рубена – скучаю по нему и знаю, что он будет скучать по мне; из-за намека на осуждение в его голосе. Я знаю, мне не показалось.

Когда мы с Рубеном встретились в первый раз, на студенческой вечеринке, он стоял в стороне, скучающе смотря на все происходящее и ни с кем не разговаривая. Я обратила на него внимание прежде всего из-за роста, но к тому времени, как в ход пошел виски, были и другие причины. Он молча стоял у книжного шкафа в эркере, водя пальцем по обложкам книг.

«Я Джо», – нагло представилась я.

После нескольких минут болтовни Рубен предложил отойти к лестнице, где было потише – он предпочитал спокойствие. Мне понравилось, что он захотел сидеть на ступеньках и разговаривать о книгах с девушкой, которую только что встретил. И еще, что ему было плевать, как он выглядит в глазах других из-за того, что ему было скучно на вечеринке. Выпендрежный парень по имени Руперт прошел мимо нас, рассказывая о том, где планирует провести лето, и мы с Рубеном обменялись взглядами, поняв друг друга без слов.

«Ненавижу Оксфорд из-за таких вот», – сказала я, и его зеленые глаза засияли.

Мы ругали Оксфорд. Я начала разговор, и он его поддержал. Он ненавидел болтовню, но ему нравилось говорить со мной, только со мной.

На следующий день мы встретились снова. Мы переписывались все утро, и когда наконец увиделись, он кивнул мне с легкой улыбкой на лице, как будто вспомнил что-то приятное, но ничего не сказал.

– Общественный адвокат.

Голос офицера вырвал меня из воспоминаний. Прошло не больше часа с тех пор, как я попросила адвоката. Надеюсь, он хороший и трудолюбивый.

Меня привели к тому же телефону, по которому я разговаривала с Рубеном. Провод свисает, как петля. Было бы чудесно отойти от этой стойки, но нельзя.

Мои колени дрожат, когда я беру трубку.

– Джоанна? – спрашивает мой защитник.

Я очень удивляюсь, что это женщина. Не очень-то феминистично с моей стороны.

– Да, здравствуйте. – Мой голос охрип.

– Здравствуйте, меня зовут Сара Абберли. Пожалуйста, сейчас ничего не говорите. – Ее голос тоже хриплый, звучит прерывисто. – Полиция, скорее всего, слушает.

– Мне просто нужно все объяснить, – говорю я шепотом, почти в отчаянии. Трубка становится влажной. – Прояснить, что случилось.

– Ничего не говорите полицейским. Хотя скорее всего вы уже чем-то поделились… Они стоят там, будто бы пьют чай, но сами слушают…

Я оглянулась на полицейских. Они сидели за столом, безучастно глядя на мониторы видеонаблюдения.

– Хм, хорошо, – скептично ответила я.

– Боюсь, все серьезно, Джоанна.

– Вы приедете?

– Скоро, сперва они должны…

Я слышу, как она печатает.

Я представляю ее: облегающей костюм, узкие брюки, дизайнерские очки, крашеные волосы. Она стучит ручкой по кухонной стойке минималистичного дизайна. Позади нее стоит мужчина – высокий, жилистый; возможно, он преподаватель. Он делает пюре из авокадо. Они часто едят по ночам.

– Полицейские должны направить ваше дело в отдел уголовных расследований, – сказала адвокат.

– Уголовных? – У меня в голове ни единой мысли.

– Да, отдел уголовных расследований. И вас не могут допрашивать, пока не протрезвеете.

– Я очень даже трезвая.

– Лучше подождать до утра. Я приеду, как только смогу.

Мне нравится эта краткость, и Рубену эта женщина бы понравилась.

– У вас есть двадцать четыре часа, больше откладывать не будут, им необходимо присутствие старшего офицера для подписания бумаг. У вас есть все, что нужно? Вас кормят?

– Да. – Мой голос слабеет, как только я представляю, что проведу всю ночь в этой жуткой синей камере.

– Вы меня не знаете, – продолжает моя собеседница, – но я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Обещаю.

– Понятно.

Я отвечаю односложно, и, наверное, она думает, что я идиотка.

Разговор закончился, трубка у меня в руке кажется тяжелой без ее голоса на другом конце провода. Я положила телефон и бесцельно замерла на секунду, наслаждаясь относительной свободой. Даже здесь уже чувствовалась разница.

Сержант Моррис вернулась, и я поняла, что адвокат была права – они слушали. Меня пробирает дрожь: полицейские не союзники, а враги.

Меня отвели обратно, в тринадцатую камеру. Скоро полицейские пойдут домой, к своим семьям, а я буду здесь одна ждать другую смену. Сержант Моррис отправится к мужу, которому будет жаловаться на работу, пока он помешивает запеченные бобы, разогревающиеся на плите. Дети, переодетые в пижамы, уже будут в своих кроватках.

Я запрокидываю голову наверх и разглядываю стрелку – указатель на Мекку. Снаружи может случиться все, что угодно, – мировой катаклизм, чья-то смерть – а я и не узнаю.

Некоторое время сижу неподвижно и играю в одну из моих любимых игр: представляю наших с Рубеном детей. Может быть, они унаследуют длинный нос моего брата Уилфа. В моих фантазиях мы с дочкой играем на металлофоне, у нее рыжие волосы Рубена. И почему мы ждали так долго? Рубен, думаю, сейчас я готова.

* * *

Меня проверяют каждые полчаса, знаю точно, потому что считаю, – полезно знать, сколько прошло времени.

Они кричат через окошко и закрывают его быстрее, чем нормально осмотрят камеру. Очень небрежно. Все делается абсолютно безразлично. Называют меня по имени и, когда я поднимаю голову, уходят.

Мне бы хотелось, чтобы они открыли дверь и я смогла выглянуть наружу: посмотреть на другое освещение или обстановку, даже на тот лестничный пролет, по которому шла, еще не осознавая, что приближаюсь к месту своего

заключения.

В полтретьего утра я спрашиваю, почему проверки продолжаются. К этому моменту проявляются неприятные симптомы похмелья: чувствительность к свету из открытого окошка, шум в голове, сухость во рту и трясущиеся руки.

– Почему вы не даете мне спать? – Вопрос звучит довольно-таки жалко.

– Вы в состоянии алкогольного опьянения, поэтому относитесь ко второй категории, – отвечает женщина. Она со мной незнакома, но ведет себя так же резко, как сержант Моррис.

– Ко второй категории?

– Первая категория – просто приглядывать время от времени; вторая – проверять каждые полчаса; третья – постоянный надзор. Вы в камере для пьяных, с матрасом на полу вместо кровати.

– Ничего себе, – я была бы рада поговорить с ней еще, чтобы немного успокоиться, услышать доброе слово, но она закрывает окошко. Но я все равно спрашиваю: – Мой муж уже приходил?

Окно открывается на пару сантиметров, я вижу только глаз и уголок ее рта, который не улыбается. Она снова закрывает окно, ничего не отвечая.

Наверняка однажды что-то произошло, и теперь они вот так всех проверяют. Я протягиваю руку и трогаю стенку рядом с головой. Может быть, случай произошел именно в этой камере с человеком, за которым они не следили.

Я обустраиваюсь: расправляю подушку; убеждаюсь, что матрас лежит четко вдоль стены; ставлю пустой поднос из-под еды в угол комнаты, рядом с туалетом.

Убеждаю себя, что вскоре я буду вспоминать происходящее сейчас с улыбкой. Этот случай будет добавлен к списку тех несуразных ситуаций, в которых я оказывалась, и моя семья, особенно Рубен, будут закатывать глаза, вспоминая об этом.

«Помнишь, как ты оставила открытой воду в ванной и затопила квартиру?» – спросит Рубен, со смехом откидывая голову назад. А я скажу: «Думаю, что переплюнула тот случай, проведя ночь в тюрьме».

Лежа на боку, ожидаю проверки в три часа. Я представляю рядом с собой мужа, как его длинные руки обнимают мое тело. Смотрю на стену и думаю, мечтает ли он о том же, лежа дома в одиночестве.

Когда другой полицейский подает мне воду через окно в двери, спрашиваю его о посетителях.

– Когда я смогу кого-нибудь увидеть, здесь есть часы посещения?

– Это вам не больница, – отвечает полицейский.

Он старше всех, кого я здесь видела. У него седые волосы и румяное лицо. Больше я ничего не вижу – ни жестов, ни роста. У нас какое-то странное, обрывочное взаимодействие.

– Да, это скорее похоже на тюрьму, – говорю я, сглатывая. Понимаю, что сижу, подавшись вперед, напряженная, как собака в ожидании возвращения хозяина. «Пожалуйста, не закрывайте окно, не оставляйте меня здесь».

– Да что вы говорите!

Глава 7

Молчание

Бездумно встаю на весы, схожу с них и встаю снова. Пятьдесят восемь килограммов. Я всегда весила шестьдесят два. Надеваю пижаму и замечаю, что она стала мне велика. Я должна начать есть.

Мы ложимся в постель, я ставлю телефон на зарядку.

– Ты не читала уже много месяцев, – замечает Рубен, указывая взглядом на мобильный.

Я лучше сплю и читаю больше книг, когда телефон остается заряжаться в другой комнате, но каждый раз забываю об этом, несу его с собой в кровать и часами сижу в интернете, пока глаза не начинают слипаться. Сейчас я ничего не могу с этим поделать. Самосовершенствование становится неважным, когда происходит то, что случилось со мной.

Рубен пододвигается ближе, накрывая мои ноги своими. Его ступни всегда холодные, я называю их ногами мертвеца. Эта мысль сейчас заставляет меня вздрогнуть. Интересно, Сэдик… Нет. Останавливаюсь. Не хочу думать о нем, хотя мысли продолжают сменяться в моей голове. Он в морге, его ступни босые, обескровленные и холодные.

Приходит сообщение от Лоры. Телефон я держу обеими руками, левой уже лучше, но все еще болит. Аватар Лоры в «Ватсапе» – селфи. Волосы торчат вверх, почти как у индианки из племени могикан. Она улыбается мне с экрана телефона, ее глаза щурятся на солнце.

Эй, полицейский в гражданском (не сексуальный, скорее странный) только что пришел ко мне и спрашивал о том, что было в пятницу. Что за черт?

В конце сообщения набор эмодзи, который заканчивается мужчиной в униформе полицейского. Я моргаю, глядя в телефон, в ушах бьется пульс.

Потом Лора присылает фотографию своей новой работы. Она часто присылает незаконченные картины, чтобы узнать мое мнение. Сейчас это портрет женщины с волосатыми подмышками. Впервые я игнорирую ее живопись.

Что ты имеешь в виду? Что именно он спрашивал про пятницу?

Одна серая галочка – сообщение отправлено.

Две серых галочки – доставлено.

Галочки стали голубыми – прочитано.

Борюсь с порывом удалить «Ватсап», «Фейсбук» и исчезнуть отовсюду.

Рубен придвигается ближе ко мне. Из-за того, что у нас дешевый матрас и маленькая двуспальная кровать из «Икеа», я будто покачиваюсь на морских волнах. Он читает что-то высокоинтеллектуальное из классики. Скажет, что на свете слишком много великих книг, чтобы читать дерьмо, и я почувствую себя виноватой, когда улизну в ванную с романтической комедией.

Инстинктивно я отдергиваю от него свой телефон, и резкая боль пронзает мое запястье.

Полиция приближается, в этом нет сомнений. Я должна рассказать Рубену, проложить дорожку для той лжи, которую придется произнести.

– Посмотри на это, – сама удивляюсь тому, насколько шокировано звучит мой голос.

Никогда не считала себя актрисой, но, может, у меня и неплохо получается. Я всегда подстраивалась под ситуацию, но Рубен – единственный человек, с которым оставалась сама собой. С Лорой я свободомыслящий человек, с Уилфом – назойливая младшая сестра. Мои мнения меняются в зависимости от того, с кем я нахожусь в данный момент, как будто ткань, которой покрыты эти люди, переползает на меня. Но кто я под ней, кто такая Джоанна? Некто без мнения и формы, просто дым.

И вот я вынуждена играть главную роль, о которой никогда не просила.

– Не хочу сейчас отвлекаться, – говорит Рубен.

Улыбаюсь, вопреки настроению. Знакомые считают, что мой муж мягкий и стеснительный, но у него стальной стержень. В Рубене нет ничего такого, что могло бы нравиться другим, и это одно из тех качеств, которое привлекло меня в нем. А еще его самодостаточность. Что он может сказать мне: «нет, спасибо», и в этом не будет желания обидеть. И особенно приятно, когда он просит разрешения присоединиться ко мне в ванной или мы проводим всю ночь за

болтовней, как было несколько недель назад, когда мы по кругу слушали наши любимые старые инди-песни. В такие моменты я точно знаю, что он действительно хочет этого.

– Нет, все-таки посмотри, – передаю ему свой телефон.

Уже через секунду – Рубен всегда читает чрезвычайно быстро – он роняет невыключенный телефон на одеяло, ставшее ярко-белым от света экрана.

– Так что было в пятницу? – спрашивает он.

– Понятия не имею.

Он отворачивается от меня, отодвигает свои холодные ноги.

– А тот парень… – сонно говорит муж.

– Да, должно быть, спрашивали про моего преследователя.

– Нет, тот парень из новостей. Ты должна рассказать полиции, что с тобой тоже произошло нечто подозрительное.

Я закрываю глаза. Как же он ошибается. Но откуда ему знать правду?

– Может, и стоит, – с трудом произношу я и чувствую, что кровь пульсирует и шумит у меня в голове. Я должна рассказать полиции, пойти к ним. Но как?

Нужно, чтобы Рубен решил, что с этим нет проблем.

Он отвернулся от меня и лежит только на своей стороне. Ничего не спрашивает: видела ли я что-нибудь, знаю ли. Он просо верит мне.

Я лежу без сна от перевозбуждения. В чате появляется надпись: «печатает». Лора присылает ответ.

В общем, полицейский пришел и сказал, что на набережной нашли мужчину, который скорее всего ударился головой и умер той ночью. Кажется, это даже было в новостях, но точно не знаю. Он сказал, что на записи с камеры видеонаблюдения видно, что я проходила поблизости, и спросил, видела ли что-нибудь? Представляешь, как странно?

Камера видеонаблюдения. Камера видеонаблюдения. Камера видеонаблюдения.

Бьюсь об заклад, что они повсюду, но я никогда об этом не думала. Возможно, эта сеть покрывает весь Лондон. И найти меня – лишь вопрос времени. Может быть, пока мы переписываемся с Лорой, они составляют мой фоторобот на основе размытого изображения. А может, я неосознанно повернулась и посмотрела прямо в камеру. Тогда они будут здесь в любой момент.

Я бессознательно начинаю продумывать собственные показания. Хочу спросить, подозревают ли они кого-то, но набираю совсем другое.

Как странно. Я дам тебе знать, если они придут сюда… жаль, что он странный и не секси.

Шутка выходит сама собой. Как и ложь.

Кладу телефон на прикроватную тумбочку, выключаю свет и прокручиваю в голове произошедшее. Делаю вид, что заснула, дыхание Рубена становится ровным.

Пытаюсь себя успокоить тем, что камеры видеонаблюдения могли и не заснять меня. К тому же, что я могу сделать с этим? Проникнуть в здание полиции и стереть их? Самой смешно, я же даже не представляю, как это сделать. И не хочу этого делать.

Хочу только, чтобы ничего этого не случилось.

Пытаюсь понять, что еще может меня выдать. Волосок на месте происшествия. Мои волосы всегда засоряют стоки и остаются на расческе. Но как им узнать, что это мой? Мысли путаются в голове. Они не узнают, если только не будут подозревать и проверять меня. Они не узнают, не должны.

Что еще?

Точно нет отпечатков пальцев, но могли остаться волокна с моих перчаток на его груди.

Цепочка следов от моих каблуков. Была ли там земля, или только асфальт? Никак не могу вспомнить. Все это улики против меня. И я ничего не могу сделать. Они придут за мной. Я лежу неподвижно, прислушиваюсь к сиренам и жду стука в дверь.

Тревога расползается по всему телу, будто на грудь наступил слон, который топчется по мне все сильнее по мере того, как я осознаю, что сделала. Одним опрометчивым толчком я разрушила свою жизнь и оборвала чужую. Я никогда не буду прежней. Я убила человека. Хотя сейчас, пока я лежу в кровати, это кажется таким абстрактным.

Может, как раз подходящее время? До того, как меня найдут, и я пойму, что это конец, что доказательств моей вины слишком много. У меня нет ни знаний, ни опыта, чтобы справится с происходящим. А ставка – обвинение в убийстве – крайне высока.

Я вздыхаю, пытаясь согнать слона, и поворачиваюсь на бок. Инстинктивно Рубен придвигается ко мне, сгребает в охапку и притягивает к себе. Одеяло слишком теплое, его рука слишком тяжелая, я не могу этого выдержать и отодвигаюсь. Он издает недовольный, разочарованный вздох, но я его игнорирую.

А потом наступает утро. Рубен что-то готовит в кухне. И как будто бы все нормально. Но здесь, в спальне, я пленник собственных мыслей.

Не могу поверить, что вернулась на работу. Но это так. И уже прошел целый день.

Эд везет меня домой, потом он отгонит автобус в гараж, чтобы заправить его и припарковать на ночь в безопасном месте. Он часто так делает. Мило с его стороны.

Раньше я считала автобус передвижной библиотеки успокаивающим, меня окружало множество страниц с мыслями других людей: через что бы ты ни проходил, кто-то уже успел пережить это раньше. Но сегодня я так не думаю.

За сегодня я три раза порывалась рассказать все Эду. Он всегда вызывал во мне чувство доверия, как священник. Он бы не стал меня осуждать, как Рубен, поэтому казался мне более перспективным слушателем. Если мы не в охваченной войной Сирии и пока есть крыша над головой, в мире Эда нет проблем.

Мы познакомились шесть лет назад, когда он нанял меня на работу. Он ни разу не спросил меня об Оксфорде, и с тех пор никогда не спрашивал, хотя я часто его упоминаю. И это мне в нем нравится. Эд просто наблюдает за мной. По понедельникам приносит торт, который печет в воскресенье, чтобы, как он говорит, скрасить начало недели. Мы пьем чай и изучаем книжные новинки. Я уже привыкла, что у меня всегда есть бесплатный экземпляр любого бестселлера. Несколько лет назад я была готова работать только ради этого.

Уже в темноте мы подъезжаем к моей квартире. Сегодня Рубен на встрече молодежного клуба, как всегда по понедельникам.

Эд оставил двигатель включенным, ожидая, пока я соберу сумку и выйду. Сейчас начало шестого, а снаружи хоть глаз выколи.

– У тебя гости, – спокойно говорит он, указывая на мою дверь. Стекла его очков блестят, когда он поворачивается ко мне.

Тут я замечаю две фигуры у двери. Вижу только макушки их голов, темную и русую, в свете уличных фонарей. Они стоят у лестницы, ведущей к нашей квартире, их ноги скрыты в тени. Это, должно быть, полицейские.

И тут подступает паника. Меня бросает в пот, а вчерашний слон снова на моей груди.

Я не могу остаться в автобусе, это вызовет подозрения у Эда. Стараюсь придумать историю, причину вернуться. Во рту пересохло, как будто все высушила ложь.

– А, я знаю, кто это, – бормочу я.

– Свиньи, – говорит Эд.

– Кто?

– Полиция. – Он показывает на мужчин.

Они не двигаются.

– Откуда ты знаешь?

– По двум признакам: машина марки «Воксхолл», на каких ездят копы, и двойное зеркало заднего вида.

Его голос спокойны, без осуждений, без подозрений, без насмешки над тем, что я сама не догадалась. Таков Эд. И опять же поражает, насколько окружающие люди мне доверяют.

– Ты знала, что они приедут? – спрашивает он, пристально глядя на меня.

Я понимаю, что уже прокололась, когда сказала, что знаю, кто пришел. Стараюсь вспомнить какие-нибудь нетяжкие преступления, но в голове пусто.

– Три, – выдыхаю я после растерянного молчания, – три ограбления за две недели на нашей улице. Должно быть, произошло еще одно.

– О, Джо, – говорит Эд полным сочувствия голосом, – все же я переживаю, что ты живешь в этом подвале.

Мои глаза наполняются слезами, когда я понимаю, что он тревожиться за меня.

Берусь за ручку двери здоровой рукой и выхожу, не попрощавшись. Я не могу говорить с ними. Мне нужно спрятаться.

Слышу, как Эд отъезжает, звук двигателя стихает по мере того, как машина удаляется, оставляя меня в одиночестве. Эд не мог и подумать, что я пытаюсь ускользнуть от полицейских, которые хотят поговорить со мной.

Я не хочу идти мимо них. Эд высадил меня почти у входа, так что нет иного варианта, как спуститься к двери через две от моей. Не звоню в звонок, не дергаю за ручку, просто стою в нише, надеясь, что в полной темноте останусь безымянной фигурой, которая не заинтересует полицию. Я слышу, как они разговаривают между собой у входа в мой дом, но не могу разобрать ни слова.

Прижимаюсь спиной к двери, сердце колотится как сумасшедшее. Закрываю глаза и надеюсь, что полицейские уйдут и что никто не выйдет из этой квартиры, что никто не окликнет меня по имени. Я стою в темноте и надеясь, что меня не заметят. Жду.

Проходит десять минут, прежде чем они уходят.

И еще пять, прежде чем я решаюсь выйти. Колени дрожат.

Они оставили мне записку с просьбой позвонить.

Глава 8

Признание

Адвокат приехала в девять утра. Сержант Моррис – не понимаю, какой у них график смен, – забрала меня из камеры и отвела в большую комнату для допросов.

Меня мучает похмелье. Всю ночь я просыпалась каждые тридцать минут, а когда один раз не услышала, как меня позвали по имени, полицейский зашел в камеру и разбудил меня. Как только удавалось заснуть, приходило время следующей проверки.

Сара оказалась не совсем такой, как я ее представляла, но в целом я была недалека от истины. Она высокая и стройная, может быть, такая же высокая, как Рубен, с длинными темными кудрявыми волосами. Зубы кривые, но очень белые, и несмотря на утро, на губах красная помада. От нее веет каким-то шиком.

– Джоанна, это ваш адвокат, Сара Абберли. Сара, это Джоанна. – Сказав это, Моррис развернулась и вышла, не сказав больше ни слова.

– Итак, – кивает Сара, как только мы остались одни.

Мне нравится это деятельное «итак».

– Ваше дело передали в отдел уголовных расследований, который занимается тяжкими преступлениями, – продолжает мой адвокат.

– Я лишь…Что все это значит? Я всего лишь его толкнула.

Она смотрит на меня голубыми и цепкими, как у ястреба, глазами; оценивает обстановку: мою одежду, обувь и трясущиеся руки. Достает ручку и блокнот с логотипом юридической фирмы и записывает мое имя, дату и время, а затем переводит взгляд на меня. Я замечаю ее тонко выщипанные, угловатые и темные брови.

– Что произошло? – Простой вопрос.

Начинаю рассказывать с самого начала.

Сара время от времени делает пометки, но по большей части просто смотрит на меня, иногда кивая.

Я рассказываю ей обо всем, кроме одного. И это даже не ложь, просто недомолвка.

Не говорю ей только о паузе перед звонком, во время которой мужчина лежал в луже. Не могу рассказывать об этом, не хочу, чтобы она знала о моей нерешительности. Там, в другой жизни, я могла бы вообще сбежать. Так что говорю, что вытащила его из лужи сразу же.

Как только я заканчиваю, Сара поясняет:

– Смотрите, они мне не дали никакой информации. Поэтому и вам лучше воздержаться от комментариев.

– Никаких комментариев? Почему? Мне есть что сказать, я хочу все объяснить.

– Я знаю. У вас сильные доводы в свою защиту, но они попытаются их разрушить. Мне не сообщат ничего: не ознакомят с вашими заявлениями, сделанными на месте происшествия; не передадут данные о травмах жертвы; даже не расскажут, есть ли у них свидетели.

– Я… Он лежал внизу, у подножья лестницы, я сказала, что толкнула его.

– Мой совет – не давать комментариев на допросе, – повторяет она резким и острым, как бритва, голосом, который режет меня на части.

Смущенная ее тоном, оглядываю комнату. Облицовка на стенах серо-зеленого цвета, как грязный пруд, и пористая, из-за этого комната кажется меньше. Наверное, это звукоизоляция. Замечаю на стене выпуклость – вытянутая плитка из белого пластика с красной границей, – и тянусь к ней пальцами.

– Не надо, – говорит Сара, поднимая свою тонкую руку, чтобы остановить меня. – Это тревожная кнопка. Нажав ее, вызовите сюда кучу полицейских – это последнее, что вам нужно.

– Ладно, не буду давать никаких комментариев, – соглашаюсь я после минутного раздумья.

– Хорошо. Еще один момент, Джоанна. Думаю, они будут говорить о преднамеренном нанесении тяжких телесных повреждений.

– Что такое преднамеренное нанесение тяжких телесных повреждений?

– Это очень серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makallister_dzhillian/vse-chto-vy-skazhete

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить